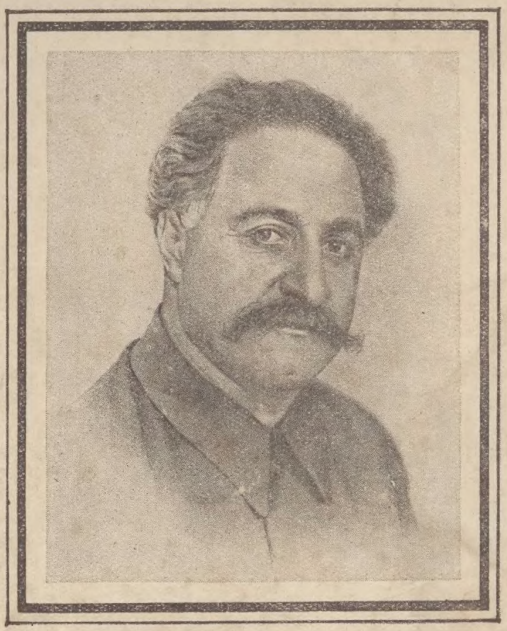


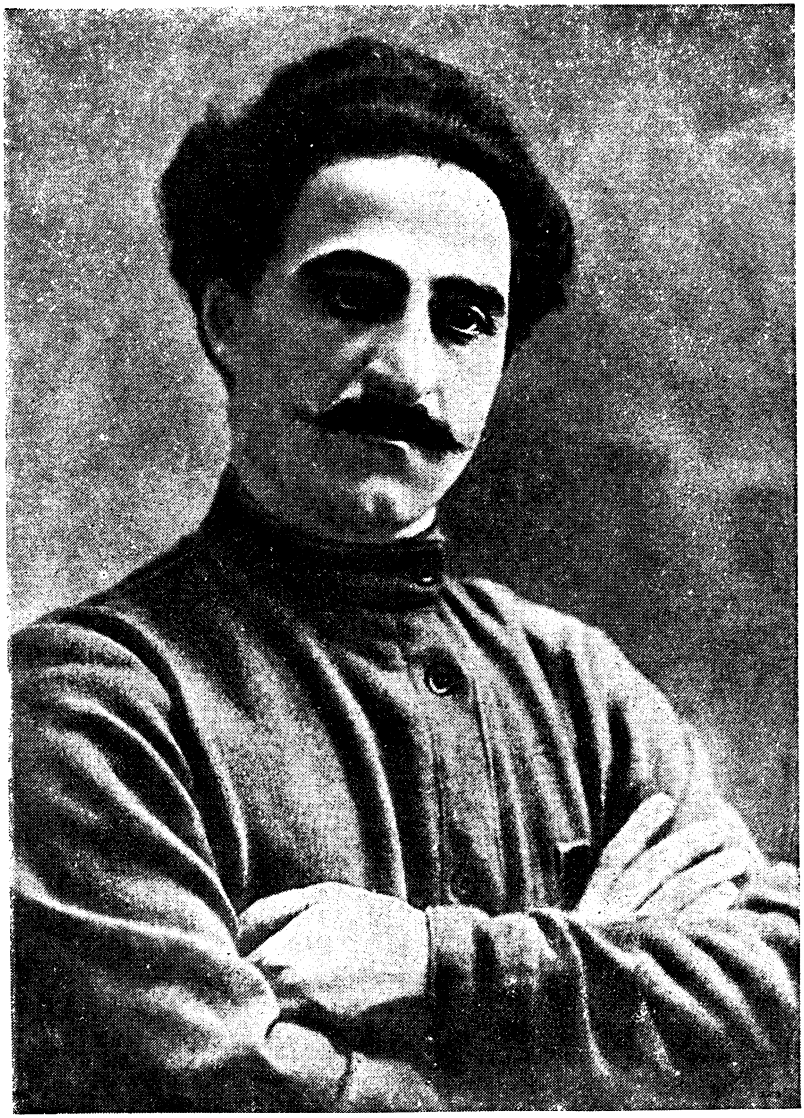
ЗИНАИДА ОРДЖОНИКИДЗЕ

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

ОГИЗ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»

Цена 1 р. 25 к.

ИСТОРИЯ
ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ
В СССР



ГРИГОРИЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
ОРДЖОНИКИДЗЕ
1886—1937

ЗИНАИДА ОРДЖОНИКИДЗЕ

ПУТЬ БОЛЬШЕВИКА

Страницы из воспоминаний
О СЕРГО ОРДЖОНИКИДЗЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ИСТОРИЯ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ»
1938

335.5 кп
0—65
Доб. 92

АННОТАЦИЯ

Книга Зинаиды Гавриловны Орджоникидзе «Путь большевика» — воспоминания об отдельных эпизодах жизни и борьбы великого революционера, соратника Ленина и Сталина, Григория Константиновича Орджоникидзе.

Воспоминания З. Г. Орджоникидзе охватывают период от 1912 до 1921 года — окончания гражданской войны.

Редактор И. РАЗГОН
Художественный редактор Л. ЮРКЕВИЧ
Заставка художника А. ЕРМОЛАЕВА
Технический редактор С. ЛАЗАРЕВ
Корректура под руководством Е. КАЛЕНОВОЙ

Сдано в набор 5/II 1938 г. Подписано к печати 25/II 1938 г. Бумага 60×92 1/16 д. л. В книге 3 1/2 печ. листа. В печ. листе 40 320 зн. Авт. листов 3,31. Главлит Б—40510. Заказ № 438. Тираж 101 000—180 000. Цена книги 80 к., переплет 45 к.

16-я типография треста «Полиграфкнига», Москва, Трехпрудный пер., д. 9.

ОТ ПРАЖСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ ДО ССЫЛКИ В ЯКУТИЮ

Серго Орджоникидзе провел около восьми лет в царских тюрьмах, на каторге, на этапах и в ссылке. Последний его арест произошел 27 апреля 1912 года.

Царские опричники давно разыскивали Серго. Он был членом большевистской партии с 1903 года и прошел большую школу революционной борьбы под руководством Ленина и Сталина.

После поражения революции 1905 года, когда со всей остротой встал вопрос о выращивании партийно-пропагандистских кадров из пролетарской среды, бывший в эмиграции Ленин создал в Лонжюмо, недалеко от Парижа, партийную школу. Здесь Серго слушал лекции Владимира Ильича по основным вопросам революционной теории и практики.

Вскоре Серго был вынужден прервать учебу: Владимир Ильич направил его в Россию с ответственнейшим поручением — начать подготовительную работу по созыву общероссийской конференции партии.

Серго объехал весь юг, север и Закавказье. Была создана Российская организационная комиссия (РОК) по созыву партийной конференции.

Конференция большевиков открылась в Праге 18 января 1912 года. Серго был делегатом Пражской конференции от тифлисской партийной организации.

Всей работой конференции руководил Ленин. Сталин, находившийся в это время в ссылке, был заочно избран членом Центрального комитета партии.

Разгромив ликвидаторство как течение антипартийное, Пражская конференция указала на необходимость дальнейшего укрепления подпольных организаций и сочетания методов легальной и нелегальной борьбы. Было принято решение об активном участии социал-демократов в выборах в IV Государственную думу.

На первом заседании конференции выступил Серго. Он сделал обширный доклад о работе организационной комиссии, которая подготовляла созыв конференции. В резолюции, принятой по докладу Серго, говорится:

«Конференция считает своим долгом отметить громадную важность произведенной Российской организационной комиссией работы по сплочению всех российских партийных организаций».

Серго был избран членом Центрального комитета. Было создано бюро Центрального комитета для руководства всей партийной работой в России. В это бюро, возглавлявшееся товарищем Сталиным, вошел Серго.

Вскоре по возвращении в Россию Серго был арестован.

До сих пор сохранился листок из блокнота, на котором Серго беглым ровным почерком записал:

«Арестовали в Гудаутах 24 декабря 1905 года, освободили в апреле 1906 года.

Уехал в Германию в конце августа 1906 года и вернулся в начале 1907 года.

Был 1 мая в Баку, выпущен 26 мая, вновь был арестован там же в 1907 году, не то 1 октября, не то 1 ноября, и осужден в 1908 году в ссылку на поселение. В 1909 году был освобожден в Приангарском крае Енисейской губернии в июне в селе Потоскуй. Бежал из ссылки в том же году в августе и прибыл в Баку.

В связи с провалом уехал в Персию. Принимал участие в экспедиции Сардар-Мухи на Ардабил против контрреволюции. В конце 1910 года эмигрировал во Францию.

В 1912 году был арестован в Петербурге и просидел[1] до конца 1916 года. В 1916 году был освобожден в Якутске, в 1917 году вернулся в Питер».

В этих скупых строках заключена история многих лет борьбы. Серго шесть месяцев находился в камере предварительного заключения. Вскоре Петербургский окружной суд приговорил его за прежний побег из ссылки и за большевистскую работу к трем годам каторги, а по отбытии ее — к вечной ссылке.

Закованного в кандалы, Серго доставили в Шлиссельбургскую крепость. Три долгих года прошли в каменном мешке. Однако бодрость и всепобеждающий оптимизм не покидали

[1] В Петрограде, Шлиссельбурге, Иркутске и Александровске.

Серго. Он работал над собой и читал, читал без конца. В толстой клеенчатой тетради, выданной Серго тюремным начальством, сохранились длинные списки прочитанной им за этот период литературы. Здесь часто встречаются имена Чернышевского, Добролюбова и др. Длинный конспект составлен по истории средних веков.

В октябре 1915 года Серго был выслан по этапу в Восточную Сибирь. До весны 1916 года, пока не открылась навигация на Лене, Серго находился в заточении в Александровском централе (Иркутск). Из Иркутска Серго был направлен в далекий Якутск.

Партия ссыльных шла беспредельными бурятскими степями. Несколько подвод тащилось за ними. Конвойные офицеры грубыми окриками подгоняли отстающих. По безграничным просторам неслась песня ссыльных:

Спускается солнце за степи,
Вдали золотится ковыль,
Колодников звонкие цепи
Взметают дорожную пыль.
Идут с ними длинные тени,
Две клячи телегу везут,
Лениво сгибая колени,
Конвойные с ними идут...

Долог, труден этап. Он идет сперва степью, затем тайгой. Дорога вьется по крутым берегам Лены. Вокруг подымаются разрушенные временем дикие скалы. По утрам на водопой спускаются к реке медведи, волки, лани.

Несколько дней ехал Серго в трюме баржи-паузка. Здесь не было даже самых элементарных удобств. В два яруса тянулись сплошные нары, на которых вповалку лежали здоровые и больные. Воздух был душный, смрадный. Двери были наглухо закрыты. Выходить ссыльным на палубу было строго запрещено.

Начались теплые белые ночи. Солнце не скрывалось круглые сутки, и только в час-два ночи восток окрашивался в яркокрасные тона.

Чем ближе подходили к Якутску, тем добрее становились конвойные. Офицеры старались не показываться ссыльным на глаза. Только в самом городе начальник конвойной команды набросился на Серго с грубой бранью. Долго Серго не мог понять, чем он дал повод к этому.

Местное начальство было недовольно присылкой к ним столь опасного «преступника». В «Статейном списке», составленном С.-петербургской губернской тюремной инспекцией, значилось, что «Григорий Константинович Орджоникидзе — каторжный», осужден уже в третий раз. В графе «следует ли в оковах или без оков» было написано — «в ножных кандалах», а в графе «может ли следовать пешком» стояло лаконическое — «может».

Далее значилось, что рост Серго — «2 аршина и 6 вершков, телосложение хорошее, глаза и волосы черные, цвет и вид кожи лица — белый».

Самое главное было в конце «Статейного списка»: «Признан виновным в первом побеге с места водворения вне Сибири и проживании по чужому паспорту», а посему лишен «всех прав состояния». В скобках были перечислены статьи из «Уложения о наказаниях».

Такая характеристика послужила поводом для якутского губернатора сбыть Серго подальше с глаз. В «Деле Якутского областного управления» появилась новая запись: «Прибыл в Якутскую область 14 июня 1916 года и распределен в Нюрьбинское сельское общество Вилюйского округа».

Нюрьба лежит в далекой тундре, за семьсот верст от Якутска. Это — ссылка в ссылке.

Якутск того времени был городом купцов-колонизаторов, дворянства и духовенства. Это были «отцы города». Однако немаловажную роль играли в Якутске и ссыльные. Здесь находились Григорий Иванович Петровский, Емельян Ярославский, Андрей Агеев. Всех ссыльных здесь было около четырехсот человек. Ссыльные были объединены в кассу взаимопомощи. В действительности то была подпольная политическая организация.

Часто в доме Ярославского, который жил при городском музее в отдельном домике (товарищ Ярославский был директором якутского музея), собирались якобы на именины или на какой-либо другой праздник ссыльные большевики. Здесь устраивались доклады на различные политические и общеобразовательные темы, зачитывались рефераты, велись долгие беседы о войне, о приближающейся революции.

Ссыльные большевики сыграли немалую роль в отмене решения губернатора об отправке Серго в Нюрьбу.

4 июля 1916 года под нажимом якутской организации ссыльных заведующий городской больницей обратился к «его превосходительству господину якутскому вице-губернатору»:

«Ввиду недостатка врачей и фельдшеров при Якутской областной больнице прошу ваше превосходительство назначить во вверенную мне больницу только что пришедшего с партией ссыльнопоселенца, медицинского фельдшера Орджоникидзе, отправляемого на днях в Вилюйский округ».

Губернатор «милостиво» согласился на просьбу заведующего больницей. Якутскому исправнику был направлен циркуляр:

«Областное управление сообщает вашему высокоблагородию, что ссыльный поселенец, прибывший с первой ленской партией, Григорий Орджоникидзе, назначенный первоначально в селение Нюрьбинское Вилюйского округа, г. губернатором перена-

значен в Мархийское сельское общество с разрешением временно проживать в г. Якутске».

Серго сразу же вошел в центр политической жизни якутских ссыльных.

Серго рассказывал большевикам, уже давно оторванным от столицы и не знавшим партийных новостей, о победе над ликвидаторами, хотевшими уничтожить подполье, об окончательном организационном оформлении большевистской партии.

Им был сделан специальный доклад, посвященный итогам Пражской конференции. Такой доклад делал он четыре года назад в Питере, незадолго до своего ареста. Много тайных собраний провел Серго в Якутске, много раз делал доклады на различные политические темы. Особенно жгучим, волнующим вопросом был вопрос об отношении к войне. Большевики Ярославский, Петровский, Агеев отстаивали пораженческую точку зрения. Серго без малейшего колебания встал на ленинскую позицию и повел жестокую борьбу с оборонцами.

Революционная работа Серго в ссылке не могла пройти незамеченной для местных властей. Осенью 1916 года Серго был переведен из Якутска в село Покровское.

СЕЛО ПОКРОВСКОЕ

В ту пору я была сельской учительницей, обучала русских и якутских ребят в приходской школе.

Село Покровское, в котором я тогда работала, находится в девяноста верстах от Якутска. В селе всего пятнадцать дворов. Постройки черные, бревенчатые. Место глухое, но очень живописное. Село стоит на высокой горе, внизу течет широкая и величавая Лена. Это — крупнейшая сибирская река. Весной ее полые воды разливаются на двадцать верст, часто затопляя Якутск, хотя город расположен в пятнадцати верстах от реки.

Вокруг Покровского шумит вечно зеленая тайга. Место наше далекое, северное. Лето бывает коротким, хотя и очень пышным. Земля оттаивает только на один метр. Поэтому в тайге мало лиственных деревьев, преобладает сосна, корни которой не уходят вглубь, а стелются почти по поверхности.

Вдоль Лены идет почтовый тракт. Крестьяне в те времена держали по две-три лошади и долгой якутской зимой «гоняли почту».

В течение девяти месяцев в году почтовые лошади были единственным способом сообщения с областным центром. Неудивительно, что корреспонденции часто терялись в пути, а столичные газеты приходили с опозданием на целый месяц.

Несмотря на такую глушь Покровское считалось крупным культурным селением. Здесь была школа, больница, телеграфное отделение, почтовая станция, а летом и пристань.

Часто в Покровском устраивались ярмарки, куда съезжались коренные жители этих мест — якуты. Они приезжали на маленьких, заросших густой шерстью лошадях.

Якутские селения — улусы — начинались в пяти-восьми верстах от Покровского. Жили якуты оседло, хотя летом угоняли скот на Лену, где на островах и заливных лугах росла сочная трава.

Якуты жили бедно, в нищете и грязи. Но были среди якутов и свои князьки — тойоны, которые имели по сотне и больше голов скота. На них опирались царские жандармы и купцы.

Больница села Покровского обслуживала все окрестные улусы на территории более пятисот верст. В ней работал только один фельдшер-якут, по фамилии Слепцов. Серго, еще в юные годы окончивший фельдшерскую школу, был послан в эту больницу наладить лечебную работу в округе.

★

Впервые я встретила Серго в пасмурный сентябрьский день 1916 года. Вместе с подругой мы шли по широкой улице села. Нам повстречался худой и стройный кавказец. Он был одет в поношенное осеннее пальто. Шапки у него не было, и ветер разметал его вьющиеся длинные волосы.

— Кто это? — обратилась я к подруге.

— Новый фельдшер...— Подруга помолчала. — Не то черкес, не то грузин.

Мы прошли мимо.

— Откуда он? — вновь спросила я.

Подруга пожала плечами:

— Не знаю...

Через несколько дней я встретила нового фельдшера на пристани, у парохода.

В наших глухих местах пароход был единственным развлечением. Вместе с ним приходили свежие новости из России, приезжали новые люди... Трудно передать, с каким волнением ожидали в глухих сибирских селах после долгой зимы первого парохода. Это было для нас праздником. Весь народ валом валил на пристань.

Но сейчас была осень. Накрапывал мелкий дождик. Он навевал грусть. Я думала о том, что скоро наступит зима и солнце почти совсем перестанет показываться из-за горизонта. Весь зимний день в Якутии равен только четырем часам...

Вскоре я познакомилась с новым фельдшером. Моим ученикам нужно было привить оспу, и он пришел к нам.

Меня поразило, с каким вниманием и любовью была проведена Серго эта процедура. Ни один из моих ребят не проявил ни малейшего страха.

Затем я стала встречаться с фельдшером в семье одного местного жителя. У молодой женщины — Кати — было много детей. Однажды у нее заболел десятилетний сын. Пригласили фельдшера. Когда он вошел в комнату, трое детей играли возле стола. Они с испугом взглянули на фельдшера. Его большие черные глаза, усы и откинутые назад волосы внушили им страх.

— Цыган! — закричали они и спрятались под стол. — Это цыган!

Фельдшер прошел в глубь комнаты, где лежал больной мальчик. Он заботливо осмотрел ребенка и прописал лекарство. Ничего страшного с мальчиком не было — обычная инфлуэнца.

Дети попрежнему со страхом поглядывали на «цыгана». Он подошел к ним и с шутками стал вытаскивать их из-под стола. Сначала ребятишки отбивались и пищали, но скоро веселая, добрая улыбка фельдшера успокоила и ободрила малышей. Уже через пять минут фельдшер и дети были друзьями. Ребята сидели у него на коленях, а он щекотал их своими пушистыми усами и обучал грузинской скороговорке: «ква, ква, кончала; кончала да кончала; гогона да гогона».

— Дядя, а что это значит? — спрашивали у него дети, со смехом повторяя непонятные слова.

— Секрет.

— Ну, дяденька, миленький...

— Нет, не скажу.

Фельдшер очень любил детей, и дети платили ему тем же. Он стал самым дорогим гостем у Кати, и всегда с его приходом в доме начиналось общее оживление.

Часто бывало, что он привозил из далекого якутского улуса больных ребятишек. С каким вниманием, с какой заботой лечил он их! Он сам обмывал их грязные тела, сам делал перевязки, сам кормил...

В доме Кати я узнала, что он — ссыльный и его зовут Григорием Константиновичем Орджоникидзе. Фамилия была настолько трудной, что мы запросто стали называть его «Грузей», а после — Серго.

Люди юга с трудом переносят резкую перемену климата. В условиях суровой Якутии они часто болеют.

Мы беспокоились о Серго. Его наряжали в теплый черный тулуп, а сверху одевали доху. В этом наряде Серго выглядел очень смешно, потому что доха была короткой и из-под нее виднелись длинные полы тулупа.

Однако Серго сравнительно легко переносил суровую якутскую зиму. Часто несмотря на морозы в шестьдесят градусов он на паре лошадей с бубенцами ездил по окрестным улусам. Это называлось объездом участка.

Якуты появились на территории современной Якутии в XIII—XIV веках и занялись охотой и рыболовством. В те

отдаленные времена они жили еще в условиях патриархально-родового строя, но вскоре родовые отношения у них начали распадаться, развивался феодализм. Тойоны, о которых я рассказывала выше, прежде были родовыми старшинами, а впоследствии превратились в настоящих князьков.

В начале XVII века в Якутии появились русские казаки. Далекая Якутия привлекала внимание Московского государства как источник пушнины для «охочих и промышленных людей».

Колонизаторы взимали с якутов «ясак» (налог), выколачивали «мягкую рухлядь» (пушнину). Торговля пушным зверем происходила путем обмена, чаще всего — на водку. Колониальный грабеж сопровождался самыми зверскими жестокостями со стороны казаков. В этом им помогали местные князьки — тойоны. Якутский народ жил под двойным гнетом.

Завоеватели вели торговлю рабами. Вплоть до начала XIX века Якутск был центром работорговли для всей Сибири.

Неудивительно поэтому, что до революции якуты вымирали. Среди них свирепствовали самые страшные болезни — сифилис, волчанка, трахома. Медицинскому работнику, да еще внимательному и чуткому, работы здесь было по горло.

Якуты очень любили Серго. Он был не только хорошим медиком, он вникал в быт своих пациентов, изучал экономические условия их существования.

Серго и Слепцов обратились к моей матери с просьбой взять их на пансион и с тех пор стали ежедневно бывать у нас в школе. Длинными зимними вечерами просиживали мы у стола. Уютно потрескивал фитиль в керосиновой лампе. Наши тени причудливо ползли по стенам. Серго рассказывал о далекой Москве, о Питере, о Кавказе, о русских рабочих и большевистской партии. Грузия вставала в его рассказах как яркая страна вечного солнца.

— Эту страну поработили! — гневно говорил Серго. — Всю Россию! Всю нашу родину!..

Однажды мое начальство предложило мне произвести перепись школьной библиотеки. У меня было два шкафа книг. Вместе с Серго мы взялись за эту работу. Он был очень веселым, жизнерадостным, энергичным. Любая работа спорилась в его руках.

Приближался январь, а вместе с ним — и зимние каникулы в школе.

Серго предложил мне:

— Поедемте вместе в Якутск?

Я согласилась.

В ясный морозный день я, тепло закутанная, вышла на крыльцо. В кибитке с колокольчиками меня уже ждал Серго.

Путь от Покровского до Якутска прошел весело и незаметно. Серго распевал песни, рассказывал мне о своем детстве.

Родился он в Кутаисской губернии, в селе Гореша. Отец его числился в сословии грузинских дворян, но на самом деле был обычным бедным крестьянином. У него было так мало земли, что запас кукурузы едва хватал на восемь месяцев. Чтобы прокормить семью, отец Серго уходил каждую зиму на заработки. Он работал на медных рудниках.

★

Поздно вечером мы приехали в Якутск. Это был довольно большой город, почти целиком состоящий из деревянных строений. На главных улицах горело электричество.

Ночь под новый — 1917 — год Серго провел у товарищей. Под видом праздника там происходило подпольное собрание большевиков. Посреди комнаты была устроена елка, на столах — вино, закуски.

Ем. Ярославский сделал доклад о текущем моменте и задачах партии. Ярославский располагал большими, чем другие ссыльные, возможностями для подготовки к этому докладу. Он работал в музее и мог, не навлекая подозрения, целыми днями сидеть над литературой, потому что сама музейная работа была связана с книгами и разными справочниками.

Ем. Ярославский дал анализ современного положения и сделал вывод о неизбежности революционного взрыва в стране.

Серго горячо поддержал эту мысль. Он говорил, что разруха в стране и затянувшаяся империалистская война должны неминуемо привести Россию к социальному перевороту.

— Свержение самодержавия! — горячась, кричал он. — Немедленное прекращение войны!..

Серго очень любил маленькую девочку Марианну — дочь Ярославского — и постоянно баловал ее и любил рассказывать, как по возвращении на родину они вместе будут бороться против царя, загнавшего их в ссылку, победят его, и тогда начнется радостная, прекрасная жизнь.

В своих мечтах Серго доходил до экстаза. Он шумел, пел и обучал Марианну близким каждому революционеру лозунгам:

— Долой царя!

— Долой помещиков и фабрикантов!

— Долой войну!

Серго спрашивал Марианну:

— Мы победим? Да?

И в знак того, что победа неминуема, Серго учил девочку бросать на пол стаканы и вместе с ней заразительно смеялся.

Вскоре вместе с Серго я вернулась из Якутска в Покровское. Зима была в полном разгаре. Было так холодно, что якуты приделывали к окнам большие зеленые льдины. Они сохраняли тепло, но зато в юрте наступал полный мрак.

В начале февраля Серго уехал на целую неделю за двести верст от Покровского — в селение Синск.

Неожиданно я получила краткую телеграмму: «Поздравляю». Я ничего не поняла. Вскоре я узнала, что грянула Февральская революция. Самодержавие было низвергнуто. Десятки тысяч верст отделяют Якутск от Петрограда, но несмотря на это ссыльные узнали о Февральской революции в день переворота. Это оказалось возможным потому, что у ссыльных большевиков была тесная связь с центром и оттуда пришла условная телеграмма: «Свидание с матерью разрешено».

Серго несказанно обрадовался и тут же помчался в Покровское. В своей кибитке с бубенцами он делал в день по сто верст. На вторые сутки после того, как я получила его поздравительную телеграмму, он появился в Покровском.

Сперва Серго заехал в лавку, которая стояла на краю села. Там всегда толпился народ. Серго шумел, громко говорил. Вскоре он подъехал к нашему дому и, как был в дохе и тулупе, ворвался к нам в комнату. Лицо у него было возбужденное, радостное.

— Ура! Ура! Революция!.. — кричал он.

Вслед за Серго в комнату вошел возница — якут. Он был одет в теплую шубу, на ногах у него были меховые торбоса — сапоги.

— Пельсер быт, — сказал он, часто моргая своими узкими глазами, — букатын ирянь халбыт, итирик ду: ырета день тоюга быха солу.

По-русски это значило:

— Фельдшер наш совсем помешался или пьян: он всю дорогу кричал и пел.

Я со смехом перевела слова якута Серго. Тот расхохотался:

— А я, действительно, был как сумасшедший. Мне всех хотелось целовать. Я готов был броситься на шею каждому встречному. Пожалуй, якут имел основание подумать, что я сошел с ума.

Серго предложил мне переехать в Якутск. Я не могла этого сделать, потому что наступала весна, а с нею — экзамены. Нужно было закончить занятия в школе.

Мы вышли на улицу. Серго заказал на почтовой станции перекладных лошадей и в тот же вечер уехал в Якутск.

ЯКУТСК

В Якутск Серго приехал в день торжественного заседания организовавшегося здесь «комитета общественной безопасности». Г. И. Петровский как бывший член IV Государственной думы был назначен комиссаром Временного правительства.

Товарищи сообщили Серго, что он избран членом «комитета общественной безопасности» и членом исполкома Якутского совета.

Ссыльные не могли выехать из Якутска из-за страшного весеннего бездорожья. Нужно было ждать лета. Серго не раз повторял, что оставшееся у большевиков время необходимо использовать для организации местного бедняцкого полупролетарского населения.

Эсеры под влиянием ссыльных кулаков-скопцов выдвинули лозунг организации союза сельских хозяев. В противовес им большевики боролись за организацию сельскохозяйственных рабочих, преимущественно якутов.

Серго сыграл крупную роль в борьбе с эсерами и меньшевиками. В это время он был занят организацией медицинских работников. Но он не оставлял без внимания организацию сельскохозяйственных рабочих. Среди ссыльных большевиков и местного населения Серго пользовался огромным авторитетом.

Продолжительную борьбу пришлось выдержать большевикам в селении Мархе. Там у кулаков-скопцов батрачили якуты. Они работали впроголодь от зари до зари. В условиях коротких якутских ночей это значило, что им удавалось соснуть лишь два-три часа в сутки. Скопцы кормили их отвратительно — хлеб, квас да знаменитая ботвинья, от которой пухли животы.

Якуты-батраки были крайне забиты. Они боялись своих хозяев-скопцов, дрожали перед полицейскими. Нужно было иметь большое упорство и настойчивость, чтобы революционные призывы дошли до их сердец. Но Серго в полной степени обладал этим упорством. Он руководил борьбой с эсеровским союзом сельских хозяев.

Одновременно Серго не оставлял своей фельдшерской работы. Городская больница, где он работал, находилась на окраине Якутска, напротив тюрьмы. Жил он тут же, в крошечной, чисто выбеленной комнате. Обстановка была более чем скромная: стол, солдатская койка да табурет. Когда я заходила к Серго, он был вынужден садиться на подоконник.

Я попрежнему продолжала жить в Покровском. У меня была страдная пора — то и дело из Якутска стали наезжать ревизоры. Должно быть, пронюхали, что учительница приходской школы стала часто встречаться с ссыльным. Однажды ко мне приехал архиерей. Он остался очень недоволен тем, что мои ученики плохо кланялись и крестились. Он сделал мне строгое замечание и произвел соответствующую запись в журнале.

Серго часто присылал мне из Якутска письма. 17 марта я получила от него следующее письмо:

«...До двенадцати часов дня работаю в больнице, а остальное время посвящаю другой, любимой работе.

Мы — политические ссыльные — думаем зафрахтовать отдельный пароход с баржей и уехать числа 17—20 мая...»

В конце письма была приписка: «Я так утомлен, что еле вожу пером».

Через две недели после этого Серго писал, что в Якутске открылся съезд, на котором ему необходимо присутствовать. Якутская организация большевиков уже давно наметила созыв съезда якутской бедноты. Подготовка к этому съезду заняла очень много времени.

Съезд якутов! Впервые в истории этого народа их созвали на съезд! Большое затруднение было в том, что доклад нужно было сделать на якутском языке. Поднять якутские массы — означало привлечь на сторону большевиков самую многочисленную народность области.

Большевики раскрепощали якутскую бедноту. Они разрешили очень важный вопрос об аннулировании задолженности бедняков. Снимались с крестьян многолетние налоговые тяготы.

Однако практическое осуществление этого вызвало отчаянное сопротивление тойонов и их защитников — чиновников, эсеров и меньшевиков.

На одном из митингов царские чиновники стали кричать, что большевики подрывают основы государственности и порядка, установленного богом и царем.

Серго произнес на этом митинге пламенную речь против царских чиновников, эсеров и меньшевиков. Он говорил, что чиновники верой и правдой служат эксплоататорским классам и не хотят служить народу.

Он изобличал их в тупости, в самых бесчестных поступках. Взяточничество — эта характерная черта чиновничьего царского аппарата — подверглось со стороны Серго уничтожающей критике.

С мест послышались крики:

— Не давайте ему говорить!

— Долой!

— Вон его!

Серго гневно крикнул:

— Все царские чиновники — взяточники!

Отчаянный шум поднялся в зале. Чиновники, эсеры и меньшевики полезли к трибуне, они стали требовать от председателя лишить Серго слова. Кто-то истерически крикнул:

— Он не умеет вести себя на собрании!

Ему вторил чей-то пискливый голос:

— Таким людям не надо давать свободы!..

В ответ Серго крикнул:

— Среди вас ни одного честного нет!.. Кто не брал взятки — выходи сюда! Я утверждаю, все вы — взяточники.

Чиновники демонстративно вышли из зала: они понимали, что большевистский президиум не будет их поддерживать.

Серго писал мне в одном из писем: «Чиновники нарисуют

тебе твоего Серго в не очень-то приятном виде,—я их на одном собрании комитета общественной безопасности обозвал шпиками и взяточниками. Они подняли шум, но ничего не вышло...»

После этого митинга эсеры потребовали, чтобы было собрано заседание особого присутствия, которое находилось при комиссаре Временного правительства. На этом заседании они поставили вопрос о смене комиссара. Большевистская организация пошла на это потому, что центр тяжести всей работы большевики перенесли в совет рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

Все, что было лучшего среди членов совета, все наиболее революционное было объединено вокруг большевистской фракции.

Перед советом стоял вопрос об устранении от власти губернатора, полицмейстера, исправника и других чиновников, остававшихся здесь и после свержения царизма на своих местах. Большевики предлагали сместить губернатора и одновременно с этим захватить казармы. Эсеры были против этих революционных мер.

Большевики говорили:

— Революция есть революция!

Эсеры в ответ на это заявляли:

— А что если революция не победит? Нас тогда всех здесь перебьют, перережут, перевешают...

Большевистская организация выпустила листовки с обращением к солдатам. Эти листовки были отпечатаны в типографии. Вскоре в казармах большевики объявили о свержении власти губернатора и провозгласили власть местного «комитета общественной безопасности».

Губернатор и полицмейстер при поддержке городского головы и других местных реакционеров пытались снестись по этому вопросу с Иркутском и Временным правительством, просили прислать военные подкрепления против большевиков. Телеграммы стали известны большевикам, потому что на телеграфе работали сочувствующие нам телеграфные служащие. Тогда большевики предложили губернатору сложить свои полномочия. Не добившись ответа из Иркутска, он согласился передать власть в руки «комитета общественной безопасности».

В клубе приказчиков собрался огромный митинг. Губернатор и полицмейстер явились сюда в полной форме, в орденах и с оружием, и торжественно заявили, что они приветствуют революцию и свержение самодержавия. В знак этого «добровольно» передают власть и оружие в руки «комитета общественной безопасности».

Другого им ничего не оставалось делать. Серго принял от губернатора шпагу, а от полицмейстера—шашку. Собрание неистово аплодировало этому разоружению и под звуки оркестра пело «Марсельезу».

Оставив в Якутске крепкую большевистскую организацию, Серго 23 мая вместе с другими бывшими ссыльными выехал на пароходе в Иркутск.

Накануне Серго сделал надпись в альбоме, который назывался «Память о якутской политической ссылке»:

«Прощай, страна изгнания, страна-родина. Да здравствует великая российская революция! Да здравствует всемирная революция! Да здравствует социальная революция!

Григорий Константинович Орджоникидзе (С е р г о)».

В ПИТЕР

Пароход проходил через наше село Покровское. Здесь была двухчасовая остановка.

Серго вместе с Г. И. Петровским, Ем. Ярославским, Агеевым и другими товарищами зашел за мной в школу, чтобы забрать с собой.

Мать моя плакала. Она говорила:

— Дочь уезжает — камень в воду падает...

Но вот мы на пароходе. Я сразу очутилась в тесной семье товарищей Серго — ссыльных большевиков. Все они очень заботились обо мне, и я скоро совсем забыла тяжелые минуты прощания с родными.

Ехали мы на пароходе две недели. В столовой, в так называемой «рубке первого класса», шли бесконечные споры о характере революции, об отношении к Учредительному собранию, о съезде советов и о многом другом. Особенно остро спорили по вопросу о политике Керенского и десяти министров-капиталистов.

— Россия уже свободна!—кричал меньшевик Охнянский. — Нужно не разговоры разговаривать, а вести войну до победного конца!

Серго гневно спросил:

— Россия свободна? А помещики? А капиталисты?..

Охнянский усмехнулся:

— Ну, это не из той оперы...

— То есть? Я прошу говорить понятней, — сказал Серго.

— Понятней? Пожалуйста: большевики должны прекратить свои безответственные... да, да, безответственные...

Серго прищурился и перебил:

— О какой ответственности ты говоришь? О буржуазно-парламентарной? Так знай, что мы — большевики, а ты ведешь себя как самый презренный меньшевик...

Река кое-где уже обмелела, и нашему пароходу приходилось петлять от одного берега к другому. Где-то, кажется, под Жигаловом, мы пересели в баржу, которую тянул маленький пароход.

Ехало нас на барже человек сто — все ссыльные и их семьи.

Молодой слесарь Андрей Агеев ехал вместе со своей женой Надей. Она была беременна. Во время путешествия у нее начались предродовые схватки. Ночью Надя начала стонать.

Я разбудила Серго. Он принялся будить спящих, достал какую-то парусину, должно быть, старый парус, и сделал подобие ширмы. За этой ширмой положили Надю.

На наше счастье на горизонте показался пароход. Когда он приблизился, мы начали кричать, чтобы он остановился.

С парохода спросили, что нам нужно. Начались длинные переговоры. В конце концов капитан согласился взять несколько человек к себе на борт.

Агеев с женой, Серго и я перешли на пароход.

Там Наде сделалось значительно хуже. Видно, влияла качка.

Серго очень волновался. Он поминутно подбегал к Наде, старался, чем мог, облегчить ее положение.

На пароходе Надя благополучно родила.

— Мальчик? — с тревогой спросил Серго.

— Мальчик, — ответили ему.

Он высоко поднял ребенка над головой и объявил:

— Владимиром назовем! Владимиром! В честь Ленина!..

Пароходом мы плыли до станции Качуг. Отсюда до Иркутска наш путь лежал степью. Места эти очень красивы: дорога вьется по ровному, гладкому полю, и только вдали виднеются суровые якутские скалы.

Вместе с Агеевым Серго на руках вынес с парохода ослабевшую Надю. За ними шла я с новорожденным.

На станции Качуг мы просидели три дня. Не было лошадей, а до Иркутска еще нужно было ехать триста верст.

Наконец лошади были поданы. Мы стали усаживаться. Неожиданно Агеев сказал:

— Я еду с вами.

Серго заметил ему:

— Но ведь Надя слаба, не выдержит.

Агеев стремился на родину. Он рвался к революционной работе, хотел вновь встретиться со своими товарищами, с которыми его разлучили царские жандармы.

Он сказал:

— Я положу Надю в сено. Все будет хорошо. Ведь бывают случаи, когда женщины рожают в поле.

Эти слова возмутили Серго.

— Уезжай, если ты так торопишься! — сказал он Агееву.— Мы с Зиной останемся и поглядим за твоей женой.

Агеев смутился. Он не стал больше противоречить и остался в Качуге еще на три дня. Вскоре он догнал нас в Иркутске.

До Иркутска мы ехали быстро. Настроение у всех было бодрое, приподнятое. Степь тянулась беспредельно далеко; пестрые цветы делали ее похожей на великолепный яркий ковер.

Нам встречались целые поля незабудок и других весенних цветов, которые чередовались с небольшими зеркально-чистыми озерцами. Они образовались во время таяния снегов. Ехали мы целым поездом — телега за телегой; копыта лошадей подымали столбы пыли.

Весь перегон до Иркутска продолжался три дня. Изредка мы останавливались в поле, разводили костры и отдыхали.

Приехав в Иркутск, мы остановились в помещении бывшей семинарии.

Здесь нам стало известно, что Керенский продолжает империалистскую войну. На вокзале мы видели длинные составы, битком набитые солдатами. Их отправляли на фронт.

Большевики развернули в Иркутске большую партийную работу. Они требовали немедленного прекращения войны, требовали привлечь к ответственности непосредственных виновников той кровавой бойни.

В Иркутске нас встретили товарищи из местной партийной организации. Они просили Серго выступить перед иркутским трудовым населением. Был организован огромнейший митинг. В прениях выступали Серго, Г. И. Петровский, иркутские большевики и Охнянский. Последний произнес гнуснейшую речь против большевиков. Во время речи Охнянского Серго не сдержался, прервал меньшевистского оратора и заставил его замолчать. Охнянский растерялся.

Воспользовавшись удобной минутой, Серго взял слово и, гневно глядя на Охнянского, закричал:

— Ты — негодяй! Я пожал тебе руку, полагая, что имею дело с честным человеком. Так знай, что сегодня я подал тебе руку в последний раз.

Дружные аплодисменты заглушили речь Серго. Охнянский был вынужден с позором уйти с трибуны, а Серго посылал ему вслед полные презрения слова:

— Меньшевик! Предатель! Продажная душа!

После этого собрания Серго часто ездил на митинги, которые устраивали местные организации в различных пунктах Иркутска. Помню, как Серго предостерегали от выступлений против войны:

— Вас могут убить, если будете выступать на широком собрании. Вас сочтут за шпиона, за подстрекателя против Временного правительства...

Серго, конечно, не обратил внимания на такие разговоры и в тот же день поехал на митинг в железнодорожные мастерские.

Из Иркутска мы выехали третьим классом. Впервые я видела поезд, и нечего говорить, что он произвел на меня очень сильное впечатление. Ссыльные большевики попрежнему ехали вместе. Нам удалось получить отдельный вагон.

2 июня мы приехали в Петроград. Только пять месяцев отделяло нас от Великой пролетарской революции...

КАНУН ВЕЛИКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Мы поселились на квартире Г. И. Петровского, и Серго сразу же с головой ушел в революционную работу. Он уходил из дома рано утром и возвращался поздно ночью. Прикреплен он был к одной из рабочих окраин города — к Невской заставе.

Часто вместе с Серго я ходила на рабочие собрания. Помню, как-то раз Серго не давали говорить. Какой-то меньшевик злобно кричал ему что-то в лицо. Но Серго заставил меньшевика замолчать и начал речь.

Такие бурные собрания Серго проводил ежедневно. Большевики в те времена брали трибуну с боем.

Серго проводил собрания и митинги на крупных предприятиях и в казармах. Он вел большую организационную работу по подготовке социалистической революции.

По предложению Ленина Серго был введен в Петроградский комитет большевиков и в исполнительный комитет Петроградского совета.

В этот период, когда в России властвовали Керенский и десять министров-капиталистов, в Питере было очень туго с продуктами. Целыми днями я простаивала в очередях, доставая хлеб, масло, яйца.

Как-то под вечер я возвращалась домой с продуктами. Серго вышел мне навстречу.

— У нас гости, — сказал он.

— Кто? — спросила я.

Серго улыбнулся и шепнул мне на ухо:

— Сталин и Джапаридзе.

Я очень много слышала от Серго о Сталине. Серго говорил, что Сталин — лучший ученик Владимира Ильича, один из создателей большевистской партии.

Еще в якутской ссылке Серго подробно рассказывал мне, как под руководством Сталина готовил он в 1912 году Пражскую конференцию, как ездил в Вологду, куда царские опричники выслали Сталина.

Серго, улыбаясь, провел меня в комнату и представил своим гостям.

Алеша Джапаридзе был видным закавказским большевиком. Он погиб в 1918 году от руки соглашателей и английских интервентов в числе двадцати шести героических бакинских комиссаров.

Долго беседовали в тот вечер Сталин, Джапаридзе и Серго. Разговор шел на грузинском языке, и я ничего не могла понять.

Обстановка была очень тревожная. В июльские дни контрреволюция поднялась против надвигающейся революционной грозы. Была пущена гнуснейшая клевета на Ильича. Это был подлый маневр врагов, рассчитанный на внесение дезоргани-

ции в ряды большевистской партии. Начались массовые аресты, разгром большевистских газет. Буржуазия требовала суда над Лениным.

Многие изменники поддержали голос буржуазии. Троцкий, Каменев, Рыков, например, высказывались за немедленную явку Ильича на суд.

Сталин твердо встал на защиту интересов пролетарской революции. Он говорил:

— Нет гарантии, что его не растерзают.

Серго, как и всегда, был вместе со Сталиным. Под его руководством он вел энергичную борьбу за ленинские лозунги партии. Ленин на суд буржуазии не явился; он ушел в подполье и жил сперва в знаменитом шалаше на станции Разлив, а после — в Финляндии.

Перед большевистской партией стоял вопрос о созыве шестого партийного съезда. Руководил подготовкой съезда Сталин. Серго по поручению Сталина должен был поехать к Владимиру Ильичу. Дело было настолько важное и экстренное, что он не успел даже предупредить меня о своей длительной отлучке.

Утром Серго сказал:

— Буду в пять. Вместе пойдем обедать.

Серго ушел; пробило пять часов, потом восемь, десять. В очереди я наслушалась жутких рассказов об арестах, о том, что Ленин якобы уехал в пломбированном вагоне.

«Наверное, арестовали», с тоской думала я. Решила поехать на Невскую заставу. Оставив дома записку, что скоро вернусь, я направилась к трамвайной остановке.

До Невской заставы было шесть верст. Я побоялась, что разъедусь с Серго, и вновь вернулась домой.

Наступила ночь. Так и заснула, не дождавшись Серго.

Утром его опять не было дома. Я боялась выйти из квартиры, надеясь, что он вот-вот может вернуться. Но нужно было итти за продуктами.

В очереди вновь пришлось слушать бесконечные разговоры о репрессиях Керенского. Вернувшись домой, к величайшей своей радости, я увидела Серго. Он сидел в пальто возле стола. Костюм его был измят, на брюках пристали сухие травинки.

— Где ты был? — спросила я у него. — Я уж думала, что ты арестован.

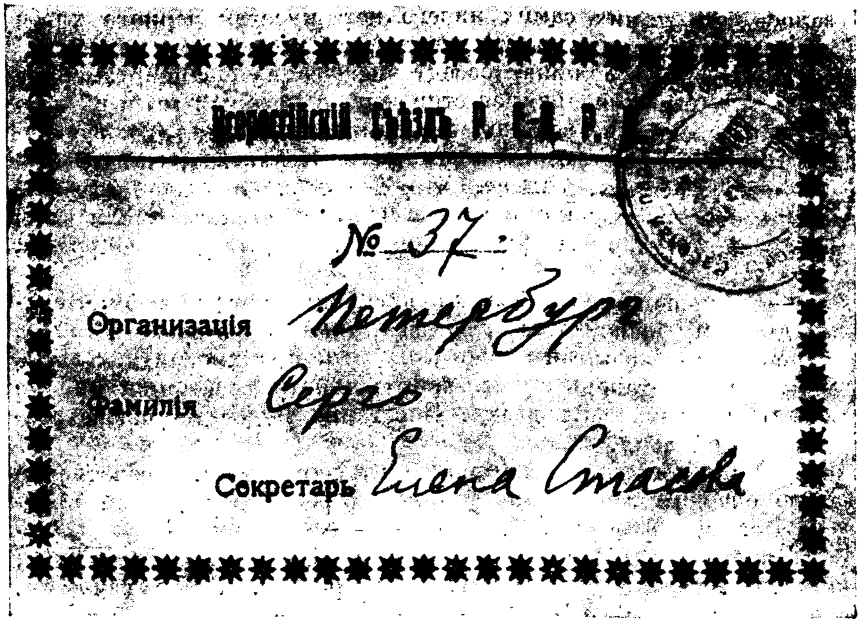
Серго спокойно ответил:

— Я был у Ленина.

Больше он ничего не стал мне говорить. Значительно позже, в 1924 году, Серго сам описал свою поездку к Ленину:

«... Сталин предложил мне поехать к Ленину, чтобы, с одной стороны, информировать Ленина, а с другой — получить от него директивы... Мне был дан адрес одного рабочего,

Товарищи Сталин, Орджоникидзе и Микоян в Тифлисе (1926 год)



Мандат товарища Орджоникидзе—делегата VI съезда партии

жившего недалеко от Сестрорецка (не доезжая одну или две станции), и пароль. С большой осторожностью я взялся за это, боясь, как бы не подцепить шпика и не провалить местопребывания Владимира Ильича». Серго прибыл на станцию ночью. Побродив немного, он нашел дом, в котором жил упомянутый рабочий. Самого рабочего не оказалось дома, и жена его послала своего девяти-десятилетнего сына проводить Серго. Они пошли к озеру, сели в лодку и, переправившись на другой берег, пошли по кустарнику. Серго решил, что Ленин живет на какой-нибудь даче. Вдруг они остановились около сенокоса, где стоял небольшой стог сена. Мальчик окликнул по имени кого-то. Вышел какой-то человек, который оказался отцом этого мальчика. Серго поздоровался с ним, объяснил ему, в чем дело. «Думаю, дальше поведет к Ленину, — вспоминает Серго. — В этот момент подходит ко мне человек, бритый, без бороды и усов. Подошел и поздоровался. Я ответил просто, сухо. Тогда он хлопает меня по плечу и говорит:

— Что, товарищ Серго, не узнаешь?

Оказалось, что со мной говорит товарищ Ленин. Я восторженно пожал ему руку. Пошли разговоры. Через несколько минут Ильич предложил мне поужинать с ними. Ока-

залось, что у них самих ничего нет: кусочек черного хлеба и селедка. Вот и весь их ужин.

После этого «ужина» беседу перенесли в «апартаменты» Ленина. Таковыми являлся стог сена, в который мы и влезли. Свежее сено пахло великолепно, было тепло. Долго я рассказывал, что делалось в городе в его отсутствие, каково настроение рабочих, солдат, что делается в нашей организации, в Петроградском совете, в меньшевистском ЦИК и т. д. Владимир Ильич выслушал меня и, задав ряд вопросов, сказал:

— Меньшевистские советы дискредитировали себя. Недели две тому назад они могли взять власть без особого труда. Теперь они — не органы власти. Власть у них отнята. Власть можно взять теперь путем вооруженного восстания; оно не заставит ждать себя долго. Восстание будет не позже сентября — октября.

Все это я слушал с напряженным вниманием. Впечатление было ошеломляющее. Нас только что расколотили, а он предсказывал через месяц-два победоносное восстание!»

Владимир Ильич приготовил ряд маленьких статей, письма к Сталину и другим товарищам. Серго взял их, попрощался и ушел.

... Шестой съезд большевистской партии был съездом подготовки октябрьского штурма. Политический доклад делал Сталин. Содокладчиком по вопросу явки Ленина на суд был Серго. Он говорил:

— Им важно выхватить как можно больше вождей из рядов революционной партии. Мы ни в коем случае не должны выдавать товарища Ленина.

Съезд присоединился к предложению Сталина и Серго. Гениальная голова пролетарской революции была сохранена.

Вскоре после проведения выборов в Петроградскую городскую думу, в начале сентября 1917 года, Серго был направлен в Тифлис. Я поехала вместе с ним.

В Грузии в те дни большевики вели жестокую борьбу с грузинскими меньшевиками, возглавлявшими контрреволюционный националистический блок. Серго принял в этой борьбе самое живое участие.

Вместе с Серго мы посетили его родину — село Гореша. Серго рассказывал мне о своем прошлом.

Семи лет Серго был отдан в церковно-приходскую школу. По окончании ее он вступил в железнодорожное училище, которое находилось в Хамуры, но вынужден был оставить его через год вследствие бедственного положения семьи.

Однофамилец — народный учитель Симон Орджоникидзе — взял к себе даровитого мальчика, и, таким образом, Серго в 1898 году окончил Хорагоульское двухклассное училище.

Осенью 1900 года Серго вместе со своим двоюродным братом — Тарасием — переехал в Тифлис и поступил учиться в фельдшерское училище при городской Михайловской больнице.

Окончив фельдшерскую школу в 1905 году, Серго переехал в Западную Грузию, где началась его непримиримая борьба с меньшевиками. Он работал в качестве пропагандиста и агитатора, организовывал митинги-дискуссии с меньшевиками.

Серго всегда имел при себе брошюру Сталина, которая называлась «Вскользь о партийных разногласиях». Эта брошюра была написана в начале 1905 года.

Девятнадцатилетним юношей Серго стал общепризнанным руководителем партийной организации Гудаут. Он был в те времена членом Сухумского окружного комитета партии.

Серго был неутомимым, пламенным агитатором. Он появлялся на всех митингах и рабочих собраниях, пользовался всеми возможностями для революционной пропаганды.

Однажды в Гудаутах, после того как был получен царский манифест 17 октября 1905 года, Серго организовал летучий митинг в центре города, на базарной площади. Он забрался на арбу и начал речь. Он говорил о том, что только свержение царя и уничтожение самодержавного строя могут дать подлинную свободу.

Первый арест Серго произошел в 1905 году, когда недалеко от Гудаут, в селе Бомбары, он выгружал транспорт оружия. Серго был схвачен царскими жандармами и заключен в сухумскую тюрьму. В середине 1907 года Серго был выпущен на поруки и приехал в Тифлис. Здесь, в редакции газеты «Дро» («Вперед»), Серго впервые встретил своего учителя и друга — Сталина...

★

Серго недолго пробыл в Гореша. Партийная работа требовала его пребывания в Тифлисе, и он вскоре направился туда. Я осталась в семье его родственников. Через некоторое время Серго вернулся из Тифлиса и объявил, что срочные дела требуют немедленного отъезда в Питер. Я должна была остаться в Гореша.

Из Армавира я получила от Серго письмо:

«Едем, но страшная теснота... Чувствую себя не очень важно, хотя я совершенно здоров. Как только приеду, немедленно переведу деньги, и ты немедленно выезжай».

За два дня до начала Великой пролетарской революции Серго писал мне из Курска:

«Завтра утром буду в Москве, послезавтра — в Питере и приступлю к делу. Сегодня я в ударе: целый день громил в вагоне одного меньшевика. Чувствую себя превосходно. Умылся в первый раз после Кутаиса».

Восемь дней после этого я не имела от Серго никаких известий. Это очень волновало меня. Из Питера доходили слухи о каких-то событиях, поговаривали, что власть перешла в руки большевиков, что во главе восставших стоят Ленин и Сталин...

31 октября Серго написал мне открытку:

«Мы здесь переживаем величайшие дни мировой истории. Борьба идет самая беспощадная. В двадцати верстах от Петрограда настоящий военный лагерь. Ночью войска Керенского, разбитые наголову у Царского села, — бежали. В городе спокойно. Позавчерашняя попытка меньшевиков и эсеров устроить восстание юнкеров — раздавлена. Здание, в котором засели юнкера, разрушено пушками. За Керенским идут части казаков и юнкеров...»

Наступление казачьего корпуса Краснова на Петроград было отбито под Пулковом.

Серго вместе с Мануильским участвовал в жестоких боях с противником. Вражеские войска частью были обезврежены, частью перешли на сторону революционного народа. Сам генерал Краснов был арестован своими же сподвижниками и приведен в штаб. Серго и Мануильский отправили его под конвоем в Смольный.

★

Центральный комитет партии много раз поручал Серго организовывать армейские и фронтовые съезды, председательствовать на заседаниях Петроградского комитета. Серго всегда твердо и умело проводил в жизнь ленинско-сталинскую политику.

СОЗДАНИЕ ЧРЕЗВЫЧАЙНОГО КОМИССАРИАТА

2 января 1918 года решением Центрального комитета и Совнаркома Серго был назначен временным чрезвычайным комиссаром района Украины.

В этот период все контрреволюционные силы России стекались на юг. На Украину вскоре вторглись немецкие оккупанты. Нужно было спасать от грабежа достояние трудовых масс, нужно было укреплять на юге России органы советской власти.

Я приехала в Петроград на третий день после отъезда Серго на Украину. Об этом мне рассказал Григорий Иванович Петровский, на квартире у которого я остановилась:

— Серго просил передать, чтобы ты немедленно ехала в Харьков к нему. Перед отъездом тебе нужно повидаться со Сталиным.

На следующий день я отправилась в Смольный. В приемной толпились матросы и солдаты с красными повязками на рукавах. Лица у всех возбужденные, серьезные.

Сталин принял меня в своем кабинете, и вместе с ним в автомобиле мы поехали на квартиру Алилуевых. Я впервые ехала в автомобиле. Помню, наша машина застряла в глубоком снегу. Мы вылезли из автомобиля и пошли пешком.

Сталин провел меня в небольшую скромную комнату, где стояла кушетка, письменный стол и несколько стульев.

Мы сели за стол пить чай. Сталин рассказывал мне о том, что Серго был избран членом Петроградского комитета, вел большую работу по борьбе с Корниловым и Керенским, а сейчас направлен на Украину наладить переправу в Россию продовольственных запасов.

Ночевала я у Петровских. Утром зашла к Алилуевым и получила от Сталина письмо к Серго. Петровский, который был народным комиссаром внутренних дел, дал мне разрешение на проезд.

До Харькова я ехала двое или трое суток. Поезд пришел в Харьков в четыре часа утра.

Мимо запотевшего на морозе окна вагона несколько раз промелькнула чья-то высокая фигура. Человек был одет в серое пальто, на голове — высокая серая барашковая шапка. Вглядевшись, я узнала Серго. Я стала стучать в окно, но он не услышал меня.

Носильщик в это время затягивал ремнем мой ящик и никак не мог взвалить его на спину. Я помогла носильщику и вдруг почувствовала, как кто-то тронул меня за плечо. С трудом подняла глаза и узнала Серго. Он взглянул на меня, и радостная улыбка быстро сошла с его лица.

— Что с тобой? — живо спросил он.

— Я очень устала...

★

В Харькове мы пробыли до весны. Серго руководил борьбой с германо-гайдамаками, переправлял для голодающих хлеб и другие продукты.

Положение на Украине было очень тяжелое. Украинская центральная рада заняла открыто контрреволюционную позицию; она разгоняла советы, разоружала советские войска и не пропускала их на Дон, где генерал Каледин душил трудящееся иногороднее и казачье население.

Серго помогал украинским трудящимся укреплять советскую власть. Он эвакуировал в глубь России фабрики, заводы, военное снаряжение и продовольственные запасы.

Натиск германо-гайдамаков был очень силен. 1 марта пал Киев, 8 апреля — Харьков. Пришлось отступать. Ранней весной мы выехали в Ростов. Приехали 7 апреля 1918 года и пробыли здесь около месяца.

Окрестности Ростова кишели бандитами. Где-то поблизости были немцы, которые, нарушив условия Брестского договора, нагло занимали территорию РСФСР.

Советская власть на Дону существовала еще очень недавно. Разбитая в открытом бою, буржуазно-помещичья контрреволюция притаилась в казачьих станицах.

11 апреля 1918 года Совнарком РСФСР за подписями Ленина и Сталина издал декрет об образовании Чрезвычайного комиссариата юга России. Руководить комиссариатом был назначен Серго.

В этом декрете было указано:

«Чрезвычайному комиссару Совета народных комиссаров товарищу Орджоникидзе поручается организовать под своим председательством временный Чрезвычайный комиссариат Южного района, объединяющий деятельность Крымской, Донской, Терской области, Черноморской губернии, Черноморского флота и всего Северного Кавказа за Баку. Цель комиссариата: неуклонное проведение директив центральной советской власти на суше и на море, концентрированная борьба с буржуазной контрреволюцией, упрочение советской власти в районе своей деятельности, поддерживание прямой связи областей с Советом народных комиссаров...»

9 апреля 1918 года в Ростове на Дону открылся первый съезд советов рабочих, крестьянских и казачьих депутатов Донской республики. Съезд должен был разрешить вопрос о Брестском мире. Присутствовавшие на этом съезде левые эсеры обрушились на большевиков за их политику Брестского мира. Им отвечал Серго:

— Товарищи! Левые эсеры своим призывом к войне хотят нас погубить. Их предложение есть предложение погибающего человека, который в отчаянии хочет с честью умереть. Предложение это есть плод отчаяния. Мы же призываем вас готовиться к грядущим битвам!

Серго предложил ленинскую резолюцию о войне и мире. Вокруг нее началась жестокая борьба. На помощь левым эсерам пришли меньшевики. Один из меньшевиков закричал:

— Власть должна принадлежать Учредительному собранию!

Его согнали с трибуны.

Делегаты съезда в огромном большинстве пошли за большевиками. Съезд избрал Серго в состав Центрального исполнительного комитета Донской республики.

В городе было очень неспокойно. Окраины кишели бандитами. Ростов был объявлен на военном положении. Ночью на улицах никого нельзя было встретить кроме патрулей.

Через несколько дней после нашего приезда в Ростове убили продовольственного комиссара.

Мы с Серго жили в гостинице «Палас-отель». Находилась она, кажется, на Садовой. Номер у нас был маленький, но уютный. Напротив находился штаб. Почти ежедневно бывали боевые тревоги. Серго будили в три-четыре часа утра, не давали даже пообедать или умыться. Часто он уходил в штаб, обмотанный полотенцем, с зубной щеткой в руках.

Однажды в «Палас-отель» пришла анархиствующая группа матросов. Положив в вестибюле бомбу, они послали к Серго своего представителя — здоровенного детину в форменке и бескозырке. Матрос был увешан бомбами и гранатами. Крестнакрест через грудь шли пулеметные ленты. Мне хорошо запомнилось его тупое краснощекое лицо с маленькими заплывшими глазками. Наглым тоном он потребовал, чтобы Серго освободил каких-то арестованных матросов. В ответ Серго вызвал двух красноармейцев и приказал им:

— Разоружите этого молодчика.

Красноармейцы замялись. Грозный вид матросов внушил им страх. Видя нерешительность красноармейцев, Серго крикнул:

— Немедленно разоружайся!

И выхватил у матроса гранату.

Со страхом поглядывая на Серго, матрос стал покорно снимать с себя оружие.

Серго втолкнул его в штабной кабинет, а сам пошел вниз по широкой мраморной лестнице. Там он увидел лежащую на ступеньках бомбу. Полукругом стояли пьяные матросы.

До меня донесся резкий гортанный разговор Серго. Не знаю, что он им говорил, но только через несколько минут красноармейцы внесли ко мне в комнату ворох всякого оружия. Они сказали мне, что Серго лично разоружил матросов.

Как-то вечером мы вместе с Серго ехали на вокзал. Улица была пустынна. Света не было.

Вдруг слышим какой-то шум во дворе ближайшего дома.

Серго сказал мне:

— Подожди. Я узнаю, в чем дело.

Я удерживала его, боясь, что в стычке с неизвестными он может быть убит. Но Серго направился во двор. Минут через двадцать он возвращается обратно и рассказывает:

— Понимаешь, на мирное население нападают!.. Я их разоружил.

Серго бросил в пролетку несколько револьверов и винтовок. Мы поехали дальше.

К Ростову подошли немцы. Мы должны были быть готовыми к отступлению. Жили буквально на колесах. Различные темные элементы пользовались затруднительным положением властей и занялись грабежом. Разбивали винные подвалы, громили магазины.

29 апреля Серго получил телеграмму от Ленина и Сталина. Ленин и Сталин предписывали ему приостановить военные действия на германо-гайдамакском фронте. Телеграмма сообщала о том, что для заключения перемирия и определения демаркационной линии между германо-гайдамаками и российской советской территорией в Курск приехала мирная советская делегация во главе с товарищем Сталиным и предлагала то же самое сделать на других фронтах.

Перед отступлением Серго вместе с несколькими товарищами поехал в Таганрог вести переговоры с немцами о прекращении военных действий. Делегация должна была также протестовать против незаконного занятия Таганрога, являющегося частью территории РСФСР. Возле станицы Армянской Серго был арестован немецким патрулем и отправлен под конвоем в Таганрог.

В Таганроге Серго заявил резкий протест против нарушения немцами условий Брестского мира и ареста делегации. Делегатам было возвращено их оружие и обеспечено беспрепятственное возвращение в Ростов.

После занятия Таганрога немцы начали подготовлять новое наступление казачьих контрреволюционных частей. 7 мая австро-германские войска, гайдамаки и белые казаки с боем взяли Ростов.

Мы не покидали города до последнего дня. В день отступления Серго вернулся с передовых позиций.

Он весь был в грязи. Я просила его умыться, достала ему чистое белье. В это время кто-то вызвал Серго в штаб, и он вышел из комнаты. Серго сказал мне:

— Тебе нужно немедленно уезжать. Поезжай на станцию, там стоит наш вагон.

Начали искать автомобиль. Оказывается, воспользовавшись общей паникой, шофер угнал его и продал в одной из ближайших казачьих станиц.

Я пошла на вокзал. Меня сопровождали казак и калмык-красноармеец. Казак (он был казначеем) нес чемодан с казенными деньгами.

Поезда в день отступления шли без расписания. Почти каждые пять-десять минут с вокзала уходили длинные составы товарных вагонов, битком набитые красноармейцами и мирными жителями Ростова, которые не хотели оставаться в городе.

Белые были уже совсем близко и обстреливали вокзал. В воздухе, словно шмели, жужжали пули. Отступающие лезли на вагоны, цеплялись на крышах и на буферах.

Я обратилась к своему спутнику-казаку:

— Где же наш вагон?

Он пожал плечами:

— Небось, угнали...

Мы пошли по шпалам. То тут, то там натыкались мы на брошенные винтовки и патронташи.

Я хотела вернуться в город к Серго. Мне казалось, что одна я все равно не смогу выехать из Ростова.

Только я подумала об этом, как вдалеке вижу Серго. Он шел вместе с товарищами. Лицо его было очень озабоченное. Я кинулась к нему.

Серго подвел меня к товарному поезду, который только что тронулся. Из раскрытых вагонов виднелись серые солдатские шинели. Сесть в поезд не было никакой возможности.

Серго на ходу подсадил меня на незанятую железную лесенку, ведущую на крышу вагона. Вместе со мной на этой лесенке поместились казак и калмык.

— А как же ты? — крикнула я Серго.

Он махнул рукой и ответил:

— В Батайске встретимся.

Серго остался на вокзале руководить отступлением. К нему подъехал верхом на лошади какой-то матрос из анархистского отряда:

— Это ты нас арестовывал? Давай ответ!

Он наставил на Серго наган. Серго не растерялся. Выхватив оружие из рук матроса, он крикнул:

— Не время счеты сводить: на нас немцы наступают!

В тот же день Серго на паровозе приехал в Батайск.

В Ростов Серго эвакуировал из Харькова ценности из банков. Вместе с ценностями, хранящимися в Ростове, за несколько дней до отступления они были отправлены в Царицын. В эшелоне было золотых денег на полтора миллиона рублей. Деньги были зашиты в небольшие холщевые мешочки. Прибыв в Батайск, мы узнали, что охрана, сопровождавшая поезд, присваивает эти ценности себе и намеревается перебить находящихся в вагонах комиссаров. Нам сообщил об этом один служащий, у которого лицо было разбито в кровь. Ему удалось бежать от грабителей: он выпрыгнул из поезда на ходу.

— Нужно немедленно догнать грабителей, — сказал Серго.

Служащий возразил ему:

— У них есть пушки, пулеметы.

— Ничего. Мы сильнее их.

Наш поезд помчался вслед за грабителями. Вскоре мы догнали их эшелон. Серго дал грабителям полчаса для того, чтобы обдумать вопрос о сдаче, а в противном случае обещал открыть по ним стрельбу.

Грабители сдались. Серго, я, а также комиссары и красноармейцы подошли к поезду. Красноармейцы вывели из вагона главных зачинщиков. Двое из них бросились в ноги к Серго:

— Мы не виноваты! Прости, комиссар, прости...

Впервые в жизни Серго отдал приказ о расстреле. Грабителей расстреляли тут же на железнодорожных путях. В сапогах у них нашли золото.

Мы пошли по вагонам, обыскивая всех конвойных. Деньги находили всюду — в карманах, в шапках, в сапогах.

Я заметила, что под вагоном сидит какой-то мальчик, лет тринадцати. Казак крикнул ему:

— А ну, вылезай!

Мальчик нехотя вылез из-под вагона.

— У тебя золото есть? — спросила я его.

— Есть, — вызывающе ответил мальчик.

— Много?

— Сколько дали. Я не считал.

Казак снял с мальчика сапоги. Там оказались деньги.

Один из товарных вагонов был приспособлен для перевоза лошадей. При обыске в стойлах мы обнаружили немало припрятанного золота. Тяжелые холщевые мешочки мы находили в яслях и в кучах сена.

По приказу Серго весь конвой был обезоружен. Удалось разыскать почти все золото, похищенное грабителями.

Комиссары вместе со своими женами были заперты в крайнем вагоне. Избитые, в разорванной одежде, комиссары рассказали нам, что мы буквально спасли их от смерти. Главари, подговорившие конвойных ограбить эшелон, решили расстрелять их возле какого-то озера, неподалеку от Царицына.

Рано утром наши эшелоны прибыли в Царицын. Чуть брезжил рассвет. Слышим, между двумя вокзалами идет перестрелка. Мы выяснили, что на одном из вокзалов засели какие-то части и ведут обстрел красных отрядов. Не отдыхая, Серго сел в автомобиль и поехал к месту столкновения. Дня через два мятеж в городе был подавлен.

Жили мы в Царицыне в гостинице. Серго часто ездил на фронт.

Царицын, оборона которого вошла в историю гражданской войны как одна из наиболее ярких, героических страниц, переживал очень трудные дни. Город был в кольце контрреволюционных казачьих восстаний; с Украины наступали немцы.

В штабе Северокавказского военного округа сидело несколько контрреволюционеров. Они были назначены изменником революции Троцким. Шла взаимная склока и грызня.

23 мая Серго дал Ленину и Сталину телеграмму, в которой писал:

«Положение здесь неважное. Нужны решительные меры, а местные товарищи слишком дряблы. Всякое желание помочь рассматривается как вмешательство в местные дела. На станции стоят шесть маршрутных поездов с хлебом в Мо-

скву и не отправляются... Еще раз повторяю, что нужны самые решительные меры — вокруг Царицына бушует контрреволюция».

Через несколько дней Серго выступил на чрезвычайном заседании штаба обороны с планом организации борьбы за Царицын. Он предложил объединить все советские войска под общим командованием.

Вскоре в Царицын приехал Сталин. По его поручению Серго продолжал свои поездки на фронт.

Однажды Серго вернулся с фронта, радостный и возбужденный. Он рассказал мне, что ему удалось сегодня остановить отступление красноармейцев. Бой был очень жарким. Красные бойцы не выдержали натиска белых и стали отступать. Отступление было настолько поспешным, что красноармейцы побросали пушки, не сняв с них даже замки.

В это время к месту боя подъехал Серго.

— Куда бежите? — закричал он бойцам и заставил их повернуть обратно. Атака белых была отражена.

Вскоре Сталин поручил Серго поехать на Кубань. В те дни на Кубань и Черноморье двигались немецкие войска. Они хотели оккупировать эти хлебные житницы.

ТЕРСКАЯ НАРОДНАЯ РЕСПУБЛИКА

После Октября буржуазно-помещичья контрреволюция на Дону, Кубани и на Тереке превратилась в грозную военную силу. Генералы Корнилов, Алексеев, Деникин, Каледин, Краснов нашли себе поддержку в среде зажиточной казачьей верхушки.

Одновременно с этим именно здесь, на Дону, Кубани и Тереке, выросли подлинно народные вожди подлинно народной армии. Достаточно указать на Буденного, Подтелкова, Кривошлыкова, Кочубея. Они пользовались горячей поддержкой и любовью трудового казачества и иногородних.

В то время, когда Сталин и Ворошилов руководили героической обороной Царицына, Серго возглавил борьбу революционного народа на Кубани, Ставрополье и в молодой, еще не окрепшей Терской республике.

Терская республика играла большую роль в деле укрепления советской власти на юге России. Она была организована Сергеем Мироновичем Кировым.

Но Терская республика была еще очень слаба. Киров получил ответственнейшее задание — пробраться в Москву и организовать большую экспедицию в помощь Северному Кавказу. Однако Киров, который вез транспорт оружия, не смог пробиться во Владикавказ через кольцо белых и вынужден был повернуть на Астрахань.

Наш поезд прорвался через фронт у станицы Прохладной. Там засели контрреволюционные отряды «казачье-крестьянского» правительства Бичерахова. Прибыв во Владикавказ, мы целых четыре месяца были отрезаны от Кубанской, части Терской области и от главных сил 11-й армии.

В июле 1918 года я выехала в Тифлис.

Серго остался во Владикавказе. Он детально ознакомился с положением Терской республики и потребовал решительно изменить тактику блока с половинчатыми друзьями — левыми эсерами и меньшевиками-интернационалистами. Серго требовал организации такой власти, которая всецело находилась бы под руководством партии большевиков.

С первого же дня Серго занялся объединением партийных сил. На станции Георгиевск он проводит партийное совещание, где резко ставит вопрос о необходимости немедленной организации работы среди трудового казачества и горцев. Во Владикавказе он участвует в съездах народов Терека, где также неуклонно проводит в жизнь ленинско-сталинскую национальную политику. Он ездит в селения, в аулы, в казачьи станицы и организует многотысячные митинги, добиваясь отделения трудовой части народа от кулачества и офицерства. Он неутомимо разъясняет классовую сущность развертывающихся боев.

В ночь с 5 на 6 августа 1918 года белоказачьи отряды ворвались во Владикавказ. Ими командовали деникинские полковники Беликов и Соколов.

Вот как описывал Серго в письме ко мне это событие:

«... Положение наше сразу стало довольно неважное. Во-первых, нападение все-таки оказалось неожиданным, и потому они сразу очутились в центре города; во-вторых, вся офицерская сволочь — в центре и на Осетинской слободке. С окон домов начали жарить по нас. Четыре дня мы оставались в городе. Ночью на четвертые сутки дело стало в высшей степени критическое — нас выбили из города, в наших руках остался только вокзал. После некоторых колебаний мы принуждены были прибегнуть к «варварскому» средству — обстрелу центра города из пушек, что и было выполнено Автономовым. Было пущено за ночь 120 снарядов. На второй день (пятые сутки) не стало воды, и нам пришлось отойти. Город почти целиком остался в руках казаков, они заняли вокзал.

Защищались только две слободки — Курская и Молоканская.

На шестые сутки к нам подошло подкрепление, и вновь начали наступать. Ингуши все время помогали нам. Отбили у казаков бронированный автомобиль с двумя пулеметами и начали их лупить их же пулеметами.

Борьба стала принимать жестокий характер. Не останавливались перед взрывом тех домов, из которых стреляли. Так продолжалось одиннадцать дней, после чего казаки и осетины

Товарищ Орджоникидзе в годы гражданской войны

принуждены были бежать. Грабежи в городе были очень часты — грабили осетины, грабили все те, кто просто хотел нагреть руки.

После этого при помощи ингушей мы обложили четыре станицы и разоружили их, отобрав четыре пушки, несколько пулеметов, бомбометов и около четырех тысяч винтовок.

Упорная борьба продолжается. Завтра утром еду в Кабарду на съезд (3/X). Там тоже придется разгромить несколько казачьих станиц. На днях там в станице Змейской расстреляли Пашковского, его жену и нескольких товарищей. Кабардинцы возмущены этим поступком казаков и готовятся нагрянуть на них. На Кубани дела значительно поправились. Алексеевские банды разбиты (к позору грузинского правительства они нашли приют у них в Сухуме).

Сильно надеюсь, что в ближайшее время удастся покончить здесь.

Убийственно действует на меня то, что в этой борьбе с казачьей контрреволюцией страдают довольно сильно и ни в чем неповинные люди».

В этом же письме Серго писал:

«... Наш дорогой Ильич ранен двумя пулями. Его ранили, когда он выходил после митинга. Ранила женщина-эсерка. Пока трудно сказать, останется жив или нет, — раны очень серьезны. На меня это подействовало очень сильно, ибо без дорогого Ильича мы будем сиротами. Будем надеяться, что на зло всевозможным негодяям наш Ильич останется жив...»

Одновременно с нападением на Владикавказ завязалась упорная борьба в городе Грозном. Город этот представляет собой наполовину пролетарский центр, наполовину — казачью станицу, которая в стародавние времена явилась началом города.

В Грозненской станице засело контрреволюционное казачество, в пролетарском центре — рабочие-коммунисты.

Бои шли прямо на улицах. Они вошли в историю гражданской войны на Северном Кавказе как «стодневные бои».

Вот как описывал эти события Серго:

«Одновременно с нападением на город Владикавказ завязалась борьба между станицей Грозненской и нашими товарищами из Грозного. Станица от города отделяется просто улицей... Несмотря на уверенность наших товарищей, что станица будет взята, станица не только была взята, а, напротив, казаки сосредоточили свои силы вокруг города Грозного и решили взять город. Грозный отрезан от Владикавказа. Владикавказ отрезан от России. Владикавказ отрезан от 11-й армии. Грозный окружен с трех сторон и только с четвертой стороны имеет выход в Чечню. Чеченцы ближайших аулов настроены были контрреволюционно. Это те аулы, заправилы которых имеют нефтяные промыслы. Осада Грозного продолжалась три месяца. Все

эти три месяца грозненским товарищам приходилось обороняться патронами и снарядами, покупаемыми у спекулянтов по пяти рублей патрон и по нескольку десятков рублей снаряд... Я должен заметить, что за время гражданской войны в Терской области нашим товарищам приходилось воевать, таким образом, не получая ни одного патрона, ни одного снаряда, ни одной копейки из центра, покупая патроны по пяти рублей за штуку. В конце третьего месяца осады Грозного сила и терпение наших товарищей истощились, тем более что им приходилось в продолжение трех месяцев воевать с превосходными силами противника. Без всякого преувеличения указываю, что порой казаки сосредоточивали до двенадцати-тринадцати тысяч человек. Но осажденный островок держался с невероятным упорством. Пути отступления от города не было. Рабочие и крестьяне решили или умереть или победить. И вот в конце третьего месяца осады мы с товарищем Левандовским — военкомом области — через горы пробрались в Грозный... Товарищ Левандовский сразу вселил дух победы в товарищей и выработал план наступления на станицу. Рано утром по данному сигналу красные бойцы атаковали станицу. К полудню обозначился отход казаков. Вечером повторные атаки прорвали казачий фронт, и станица перешла в наши руки. В то же время Сунженская линия, населенная казаками по линии железной дороги Владикавказ — Грозный, раскололась на две части. Станицы Кара-Булак, Троицкая, Михайловская, Нестеровская, Осиновская все время были с нами и дрались с соседними станицами, тоже одержали крупную победу по линии. Одновременно со взятием Грозненской станицы были взяты станицы Самашкинская, Ермоловская и Романовская. Рано утром прибыл в Грозный первый бронированный поезд из Владикавказа. Ликованию товарищей не было границ. Заброшенные в продолжение трех месяцев, потерявшие надежду встретиться друг с другом, наши товарищи вновь встретились победителями.

Одновременно с этим частям 11-й армии удалось опрокинуть прохладненские позиции противника, соединиться с нами и скорым движением вперед овладеть Моздоком, где засело казачье правительство. Громадные трофеи, сообщенные в свое время печатью, достались нам».

Внутренняя контрреволюция на Тереке была ликвидирована. Терская республика стала укреплять советскую власть.

Первым мероприятием Серго было возвращение горцам их родных земель, отнятых царским правительством и заселенных казаками. Этим Серго окончательно привлек на сторону советской власти наиболее угнетенный при царизме народ — ингушей и чеченцев.

Серго неутомимо работал среди осетин, казаков, ингушей. Он выступал с пламенными речами на четвертой и пятой

сессиях Терского народного совета; он выступал против ингушского полка бывшей «дикой дивизии», спровоцированного офицерством.

Осенью я вернулась из Тифлиса во Владикавказ. В этот период деникинские войска все ближе подвигались к Тереку. Во Владикавказе был создан Совет обороны Северного Кавказа.

Серго взялся за организацию обороны города. Были созданы отряды из рабочих, ингушей, осетин-керменистов и красных курсантов. Серго выработал план объединенных действий против деникинцев.

В январе белыми был занят Пятигорск. Вплотную к Владикавказу подступили деникинские банды Шкуро, Покровского.

Начались сильные бои. Серго выехал в Ингушетию, организовал там ингушские партизанские отряды и послал их на помощь Владикавказу. Штаб был перенесен в ингушское селение Базоркино, в двенадцати верстах от города, так как линия фронта протянулась от Владикавказа до станции Беслан. Бои происходили и под ингушскими селениями Долаково и Кантышево. Серго сам участвовал в боях. Доставал патроны и оружие, воодушевлял бойцов. Однажды он остановил начавшееся было отступление. Сообщая Ленину о тяжелом положении, об отсутствии патронов, он вместе с тем выражал твердую уверенность в конечной победе.

Силы были не равны. В военном отношении храбрые горцы и молодые курсанты оказались значительно слабее деникинских полчищ. Терек был отрезан от советской России, и Москва не могла послать сюда помощи.

В селении Назрань, под вековыми липами, Серго открыл съезд вооруженного ингушского народа. На съезде присутствовало не менее двух тысяч вооруженных всадников. Серго говорил о кабале, которую несут белогвардейцы горским народам. Речь его была переведена на ингушский язык.

Серго, обращаясь к делегатам, сказал:

— Горские контрреволюционеры, в частности ингушские, поют хорошо. Они всячески стараются ввести вас в заблуждение ради своих собственных эксплоататорских интересов. Я не сомневаюсь, что если не все, то добрая половина из вас знает, чего добиваются контрреволюционные верхи. На вашем несчастье они хотят построить свое счастье. Если контрреволюции удастся здесь захватить власть, то это будет лишь временным поражением революции. Им не придется долго существовать. Мы опять встретимся здесь с вами и будем совместно лечить те раны, которые наносит сейчас вам контрреволюция.

Серго провозгласил на съезде независимую Горскую советскую республику. Это было встречено громовым «ура». В ответ на речь Серго с горячей благодарностью от имени ингушского трудового народа выступил почетный старик Саид (убит

в 1919 году белыми во время вооруженного восстания в селениях Экажево и Сурхохи). Обращаясь к Серго, он сказал:

— Ты — ясный сокол. Для твоих крыльев этой земли мало. Когда контрреволюция будет подавлена, тогда развернутся широко твои соколиные крылья.

Серго предложил главнокомандующему Ингушетии отправить присутствующих здесь вооруженных всадников на долаковский, владикавказский и плиевский фронты против банд генерала Шкуро и Геймана. Это распоряжение Серго было выполнено. Сам Серго все время проводил на фронтах — на псехадском, долаковском, у немецкой колонии, под Владикавказом — и лично руководил боями.

Однако натиск белых банд оказался слишком ожесточенным. Владикавказ и ингушские селения Долаково, Кантышево и Базоркино были заняты врагом. Часть красных войск отступила по Военно-грузинской дороге на Тифлис, часть красноармейцев и ингушские отряды во главе с Серго и Терским совнаркомом — в горы Ингушетии.

За несколько дней до отступления я вместе с Арусяк (сестра известного большевика Камо) уехала в селение Барсуки, где жила у ингуша Зязикова. У Арусяк был трехмесячный ребенок.

В ГОРАХ ИНГУШЕТИИ

В день отступления Серго в автомобиле поехал по замерзшей дороге в сторону селения Базоркино. Он хотел проверить работу штаба. Приехав в Базоркино, Серго никого не встретил кроме глухого старика-сторожа, который сообщил, что все штабные эвакуировались в Назрань.

Серго поехал обратно. По дороге он был обстрелян белогвардейским разъездом, который уже ворвался в селение.

Ночью Серго совместно с группой товарищей прибыл в аул Барсуки, где жили Арусяк и я. Серго рассказал, что Красная армия временно уходит в горы, но она соберет новые силы и вновь обрушится на Деникина.

Ночью на двух автомобилях мы тронулись в горы.

У нас были с собой деньги Терского совнаркома. Мы их сложили в мешок. Эти деньги Серго держал для покупки патронов. Он предложил часть денег разложить по карманам. Наш проводник Зязиков, который это видел, сказал, что никто нас не тронет. У ингушей обычай не трогать тех, кто едет с ингушем.

Серго, Арусяк и я ехали на первой машине. Вслед за нами шел второй автомобиль, в котором находились другие товарищи, а также Зязиков со своими двумя женами (в то время в Ингушетии существовало еще многоженство). Ехали мы лесом. Дорога сбегала с холма на холм. Была темная ночь. На око-

лице крупного селения (должно быть, Экажево) из леса выскочил отряд вооруженных всадников и помчался навстречу нам.

Всадники оказались ингушами. Они окружили наши машины. Зязиков начал с ними говорить по-ингушски. Никто из нас не знал этого языка, и поэтому наш проводник мог говорить свободно. Всадники забрали из нашей машины мешок с деньгами, который лежал под передним сиденьем. Когда они скрылись, старик Зязиков, разводя руками, сокрушенно сказал, что это небывалый случай. Но мы поняли, что ограбление произошло не без его участия.

Уже в первые дни после отступления из Владикавказа Серго стал налаживать связь через ингушей-коммунистов со стариками, которых очень уважают в Ингушетии. С ними он вел долгие беседы о революции, о необходимости немедля начать партизанскую борьбу с белыми.

На второй день мы добрались до аула Мужичий — отсюда начинается горная часть Ингушетии.

Ночью в Мужичьем поднялась тревога: ждали деникинцев. Была метель, ветер слепил снегом глаза. Мы при свете факелов верхом пробирались узкими тропинками в глубь гор.

Ребенка Арусяк держали попеременно Серго и Бетал Калмыков. Бетал в эту ночь чуть не погиб: его лошадь поскользнулась и стала сползать вниз по обледеневшему обрыву. Серго быстро соскочил с коня и успел схватить лошадь Калмыкова за повод. Бетал был спасен.

Ночевали в хуторе Ерши, откуда направились в аул Гули. Это пограничное с Чечней селение.

Серго мечтал как можно скорее пробраться в Тифлис. Только оттуда можно было попасть в Москву, а именно туда — к Ленину и Сталину — он и стремился.

Наконец прибыли в чеченский аул Кий. Отсюда можно было через Хевсуретию пробраться в центральную Грузию. Наш отряд становился все меньше и меньше. Люди заболевали, оставались в селениях. Заболел тифом Бутырин, военный комиссар Терской республики. Его пришлось отправить обратно в Гули.

Через Хевсурский перевал пошли Серго, я, Арусяк с ребенком и ряд партийных терских работников.

Подъем был очень труден. Кое-как добрались до первой сакли на перевале. Это была каменная башня — единственное жилье. Здесь переночевали. На рассвете двинулись дальше.

Весь день мы поднимались все выше и выше.

Неожиданно со скал раздались выстрелы. Это ингуши увидели длинную ленту всадников и, не зная, кто идет, открыли стрельбу. Серго был впереди и в ответ на выстрелы попросил переводчика крикнуть горцам, чтобы они прекратили свое развлечение: когда приедем в аул, тогда и посмотрим, кто метче стреляет.

Тропинка была покрыта толстым слоем льда. Я боялась

смотреть назад: у меня начиналось головокружение. В одном месте Серго уронил винтовку, моя лошадь чуть было не сорвалась в пропасть. Наконец поднялись на первый перевал. Здесь находится хевсурское селение Шатиль.

Мы заночевали в сакле рослого хевсура. Его звали Габиз.

Серго хотел как можно скорее отправить меня и Арусяк в Тифлис: нужно было установить связь с подпольным комитетом большевиков. Но подъемы и спуски были так трудны, что мы не могли итти дальше. Поэтому Серго решил временно оставить нас и с группой товарищей пошел в следующее селение.

Хевсуры приняли гостей радостно. Серго на грузинском языке рассказал им о причинах прихода и событиях, какие разыгрались на севере. Чтобы послушать Серго, стекались хевсуры из соседних аулов. Они готовы были всячески помочь гостям. Но когда отряд Серго собрался в дальнейший путь, пришло известие, что жители хевсурского селения Гудани поссорились с проезжавшей впереди группой большевиков, напали на нее и перебили. Люди, пришедшие с этими известиями, уверяли гостей, что хевсуры из селения Гудани дали клятву никого не пропускать через свои земли.

У хевсуров существовал обычай кровной мести. Если хевсуры хотели кому-либо мстить, они бросали на могилу своих врагов дохлую кошку.

— На могиле убитых, — рассказывали пришедшие, — лежала дохлая кошка.

Во что бы то ни стало нужно было связаться с Тифлисом и дать знать о себе. Выполнить эту задачу вызвалось несколько товарищей. Серго нанял для них трех проводников и рано утром проводил их:

— Идите, дорогие, будущее за нами. Будете в Тифлисе, выполняйте задания, работайте.

Но этим трем смельчакам не удалось пробраться через Хевсуретию. Вслед за всей группой они вернулись в Ингушетию.

Серго отправил всех товарищей в район ингушского аула Пуй. Там же находились я и Арусяк.

В Гули лежал в тифу военный комиссар Терской республики Бутырин. Серго остался вместе с ним, и ему пришлось вспомнить профессию фельдшера.

24 февраля 1919 года Бутырин умер. После его смерти Серго переехал в аул Пуй. Здесь он взялся за организацию партизанских отрядов. Его план был прост: по мере возможности отвлечь Деникина от Москвы и тем самым ослабить его удар по центру революции.

Большое затруднение встретилось из-за нехватки снарядов, ибо без денег нельзя было достать патронов.

Серго решил отправить в Тифлис Арусяк с ребенком и меня.

Мы ехали верхом. В целях конспирации я ехала в качестве

няни ребенка Арусяк. Несмотря на запрещение Серго я взяла с собой денежные документы, револьвер с патронами и фотографию Серго с товарищами. В Длинной долине мы остановились у родственников наших проводников.

Рано утром мы вышли из Длинной долины. Нас усадили в арбу. Мужчины шли пешком и поочередно несли ребенка. Револьвер я держала под шкуркой барашка, в которую был укутан ребенок, а фотографию и документы обвязала вокруг себя.

В одном из аулов мы оставили арбу, так как дальше можно было итти только пешком. Вышли на рассвете. Был туман. Снег подтаял, и ноги скользили. Время от времени слышалась далекая стрельба. Тропинка шла то в гору, то спускалась вниз. Шли мы параллельно Военно-грузинской дороге.

Один раз я упала, выбившись из сил, но услышала выстрелы. Это придало мне силы, и я поднялась и побрела дальше.

В том месте, где нужно было перейти через Терек на Военно-грузинскую дорогу, мы спрятались в пещере. На той стороне за поворотом стояла меньшевистская охрана. Арусяк кормила ребенка, я писала письмо Серго.

Все время по Военно-грузинской дороге проезжали машины, в которых сидели офицеры и женщины, скакали всадники.

У нас нечего было есть. Кусок черного хлеба, который был у нас, мы отдали Арусяк, потому что она кормила ребенка.

По Военно-грузинской дороге проезжала арба с дровами, в которой сидел старик-осетин с восемнадцатилетним сыном.

Мы попросили осетина нас перевезти. Он остановился, распряг лошадь и послал к нам своего сына.

Юноша перевез сначала ребенка, потом Арусяк. Я распрощалась с проводниками и отдала им письмо для Серго.

От Казбека мы поехали на машине, но так как была грязь, пришлось снова пересесть в арбу. Затем ехали на санях.

В Тифлис добрались ночью. Мы были очень утомлены, но отдохнуть, однако, не пришлось: утром в нашей квартире меньшевики устроили обыск. Они узнали, что из гор Ингушетии приехали жены комиссаров.

Серго оставался в горах. Аул Пуй сделался главным местом его пребывания. Сюда стекались отряды больных и раненых красноармейцев, которые дрались в чеченских, керменистских и ингушских партизанских отрядах. Серго снабжал их продуктами и деньгами и переправлял в Тифлис.

Серго пробыл в Ингушетии до середины апреля. Он постоянно объезжал аулы. Одно время скрывался от карательного отряда в пещере под аулом Датых. Получив из Тифлиса оружие и средства, он с новой энергией взялся за организацию партизанских отрядов.

В конце апреля 1919 года Серго покинул аул Пуй и через Хевсуретию (аул Амги) нелегально пробрался в Тифлис.

ВОЗВРАЩЕНИЕ В МОСКВУ

Однажды вечером, когда я собиралась ложиться спать, ко мне пришел Камо и сообщил, что его сестра Арусяк тяжело заболела.

— Надо итти, — говорил он.

Я спросила его, спускаясь по лестнице:

— Может быть, Серго приехал?

Камо ничего не ответил.

Во дворе меня ждал Серго. Он был в черном пальто, с бородкой, неузнаваемый. Вместе с ним мы отправились на квартиру Камо. По дороге Серго рассказал, как он проходил через Хевсуретию в Тифлис.

Когда Серго и его спутники поднялись на перевал Хевсуретии, началась сильная метель. Проводник сказал, что итти дальше нельзя. Решили возвращаться обратно. У Серго было тяжелое состояние. С ними был больной военный работник Автономов. Его завернули в бурку и на веревках спускали вниз. Автономов умер. Три дня они пробыли в ауле, похоронили Автономова и двинулись дальше.

На границе с Хевсуретией всегда стоял хевсур с оружием. Когда подошел Серго со своими спутниками, их арестовали и провели к священнику. Поп грубо спросил его:

— Ты большевик?

Серго ответил:

— Да, я большевик, представитель советской власти, и поэтому вы должны со мной иначе разговаривать.

Священник ответил грубостью. Серго гневно сказал ему:

— Вы — священнослужитель. Какое вы имеете право с нами так разговаривать? Если вы нас арестовали, то передайте нас как арестованных грузинскому правительству.

Серго был тогда в черкеске, из оружия он взял с собой только маленький браунинг. Кроме того у Серго был перочинный ножик. Все это у него отобрали и посадили в сарай. Незадолго до этого здесь были убиты пятнадцать отступающих красноармейцев.

Утром священник неожиданно стал приглашать Серго к себе обедать.

Серго отказался. Очевидно, проводник Серго дал священнику взятку, и священник их отпустил.

В Тифлисе был намечен дальнейший путь борьбы против контрреволюционного меньшевистского правительства. Приехав в Баку к Микояну, Серго провел широкое совещание закавказских коммунистических организаций.

В Баку мы были всего несколько дней и выехали в лодке по Каспийскому морю на Астрахань. В армянских лавках заблаговременно были заготовлены для нас продукты. Однако в одной

из них был обыск, поэтому мы остались с очень небольшим количеством сухарей, риса и хлеба. Камо достал немного черной икры, которую потом выдавал нам крошечными порциями, как лакомство.

В солнечный ясный день мы с одним товарищем, одетым полетнему, подошли к лодке и начали упрашивать моряков прокатить нас.

Серго уже был в лодке.

Мы сели и выехали в море, как на прогулку. Лодка была старая, парусная. С нами ехали пять моряков, из которых двое были коммунистами.

Вскоре поднялся шторм, и нам пришлось стать на якорь. Наша пятисаженная лодка с трюмом сильно качалась. Всеми овладела морская болезнь.

Два раза мы пересекали Каспийское море, чтобы не встретиться с белогвардейскими пароходами. Лодка оказалась ненадежной, мачта трещала, скрипела. В одном месте мы попали в мертвую зыбь, но моряки быстро спасли лодку.

Первые два дня почти ничего не ели. Я и Камо готовили обед: варили рис на воде. Пресную воду везли в бочке. Если вблизи не было пароходов, мы выходили наверх и пели песни.

Вероятно, около Форт-Александровска нас прибило к берегу. Мы увидели рыбаков. На маленькой шлюпке, которая была у нас, наши моряки подъехали к рыбакам, купили у них рыбу и банку икры.

Выехали мы 13 июня, было всего нас тринадцать человек, и на тринадцатый день мы добрались до Астрахани.

Под Астраханью мы увидели пароход и очень встревожились, но кто-то заметил на пароходе красный флаг. Нас приняли на пароход, но везли как арестованных. Только когда кто-то узнал Серго, нас отправили в гостиницу.

Здесь Серго, впервые встретившись с Сергеем Мироновичем Кировым, рассказал ему о положении на Северном Кавказе и о закавказских делах.

Через два дня мы в теплушке выехали в Москву. Моряки остались в Астрахани для связи с Баку. Впоследствии они возили литературу и выполняли отдельные поручения. Молодой штурман вскоре был повешен белыми.

По дороге Серго отстал от нас. Он сразу же поехал на фронт.

По приезде в Москву я зашла к Сталину. Как раз в это время раздался звонок по телефону. Говорили из квартиры Ленина. К аппарату подошла Надежда Сергеевна Алилуева. У нее спросили:

— Где Серго?

Я ответила через Надежду Сергеевну, что Серго остался на фронте.

НА ЗАПАДНОМ ФРОНТЕ

В начале июля 1919 года Серго приехал в Москву. В июле он делал Совнаркому доклад о положении на Северном Кавказе. В этом докладе Серго подробно остановился на деятельности большевиков на Дону, Кубани, Ставрополье и Тереке. Он рассказал о героическом походе таманцев, о борьбе и гибели 11-й армии и привел свидетельство Деникина, заявившего на Терском казачьем круге, что лучшие его офицерские полки были уничтожены Северокавказской красной армией.

Сталин в это время находился в Белоруссии. Он был членом Реввоенсовета западного фронта и организовывал борьбу против поляков.

В середине июля Серго был назначен членом Реввоенсовета 16-й армии западного фронта. Он выехал в Смоленск, а я временно осталась в Москве.

23 июля я получила от Серго письмо. Он писал:

«Телеграммы не доходят, письма тоже. К тому же до последнего времени я был в разъезде. Теперь обосновался в Могилеве, вернее, обосновали здесь. Я член Ревсовета 16-й армии».

Серго настаивал, чтобы я немедленно выехала к нему по получении его письма. Сборы были недолги, и вскоре я была уже в Могилеве. Через несколько недель мы переехали в Смоленск. Здесь Серго неоднократно встречался со Сталиным.

Большую работу проводил Серго в Белоруссии: он укрепляет политико-моральное состояние частей, организует новые части, лично бывает на всех опасных участках фронта.

Белополяки двигались на столицу Белоруссии — Минск. Сил у нас было явно недостаточно, потому что главные войска были сосредоточены против Деникина. Под натиском поляков Красная армия отступала с упорными боями. Белополяки взяли Минск, за ним Борисов. Полевой штаб 16-й армии, в котором работал Серго, находился в двадцати верстах от Борисова — на станции Приямино. Серго решил во что бы то ни стало вернуть Борисов, вырвать его из лап врагов — польских панов.

Сведения о расположении белополяков поступали очень скупо, были путанны и разноречивы. И вот в безлунную, темную ночь Серго вместе с членами Борисовского ревкома и несколькими красноармейцами направился в пешую разведку. С винтовкой в руках он шел в тыл белополякам.

Нечего говорить, насколько опасен был путь разведчиков. Они глубоко проникли во вражеский тыл, дойдя до предместий Борисова и сделав, таким образом, около двадцати верст.

Разведчикам удалось установить численность сил белополяков, их расположение. Через два дня Серго повел части Красной армии на противника и с боем взял Борисов.

Это задержало дальнейшее наступление белополяков и закрепило фронт вдоль Березины.

РЕАЛИЗАЦИЯ СТАЛИНСКОГО ПЛАНА ПО РАЗГРОМУ ДЕНИКИНА

В октябре 1919 года Ленин и Сталин направили Серго во главе латышской дивизии на новый, ответственный участок борьбы — на южный фронт. Лучшие офицерские дивизии Деникина — алексеевская, дроздовская, корниловская, марковская — двигались на Москву. Еще 30 июня белые заняли Царицын и закрепили свое господство на всей территории Донской области. К этому же времени Деникин захватил левобережную Украину, включая Харьков и Крым. Это был второй поход Антанты против советской России (поход 14 государств).

Сталин писал:

«Поход этот был также комбинированный, ибо он предполагал совместное нападение Деникина, Польши и Юденича (Колчак был сброшен со счета). Центр тяжести похода лежит на этот раз на юге, в районе Деникина».

В октябре белые заняли Воронеж, Орел. Передовые части деникинской армии подходили к Туле, угрожая сердцу республики — Москве.

В момент смертельной опасности для революции Ленин и Центральный комитет РКП(б) посылают Сталина руководить разгромом белых армий на главном, южном фронте.

Об этом периоде К. Е. Ворошилов писал:

«Надо спасать положение. И на южный фронт ЦК посылает в качестве члена РВС товарища Сталина. Теперь уже нет надобности скрывать, что перед своим назначением товарищ Сталин поставил перед ЦК три главных условия: 1) Троцкий не должен вмешиваться в дела южного фронта и не должен переходить за его разграничительные линии, 2) с южного фронта должен быть немедленно отозван целый ряд работников, которых товарищ Сталин считал непригодными восстановить положение в войсках, и 3) на южный фронт должны быть немедленно командированы новые работники по выбору товарища Сталина, которые эту задачу могли выполнить. Эти условия были приняты полностью».

Сталин отправился на южный фронт. Он категорически отверг старый план разгрома Деникина, выработанный главным командованием во главе с Троцким. План этот предусматривал

наступление левым флангом с Царицына на Новороссийск через донские степи и казачьи станицы.

«Этот сумасбродный (предполагаемый) поход в среде вражеской, в условиях абсолютного бездорожья, грозит нам полным крахом», написал Сталин в записке Ленину.

Взамен плана, уже отмененного жизнью, Сталин выработал план наступления красных через пролетарский Харьков — Донецкий бассейн на Ростов.

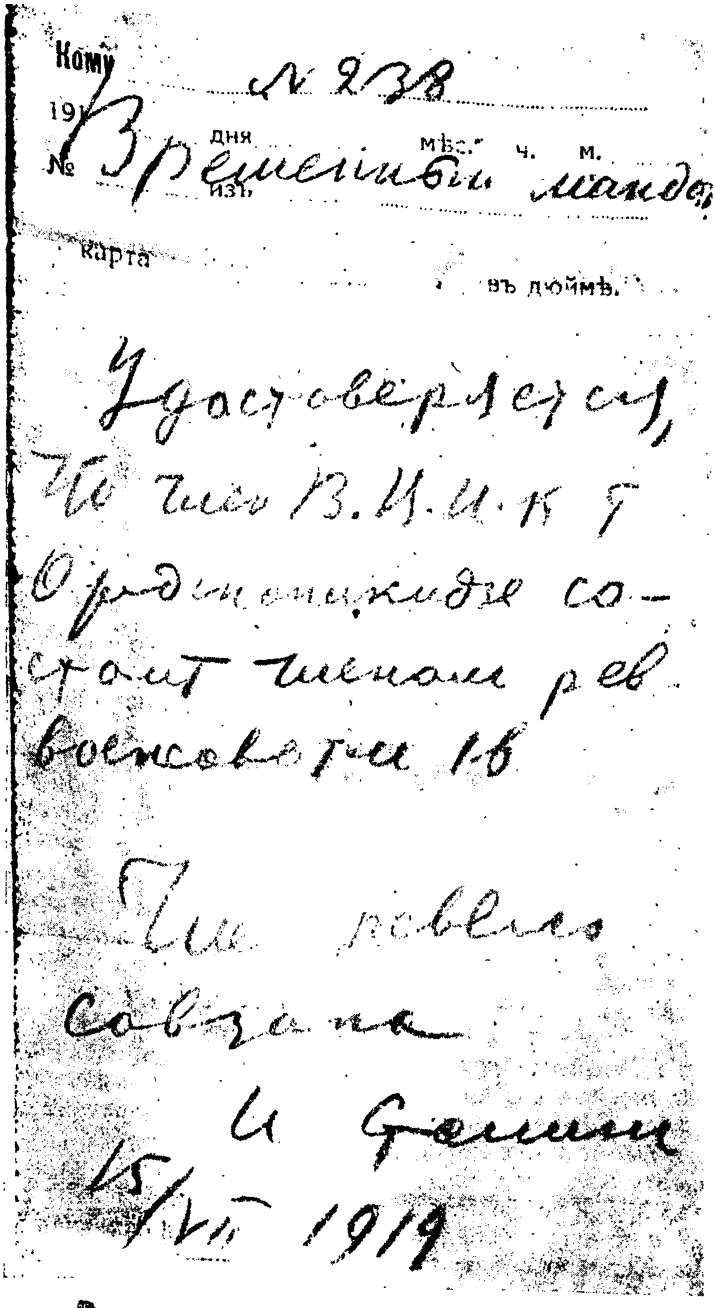
Стратегический план великого Сталина обеспечил победу революции.

Реввоенсовет 14-й армии все время держал связь со штабом южного фронта. Серго лично связался со Сталиным и непосредственно с Москвой, с Лениным. Ленин напряженно следил за подготовкой к наступлению. 15 октября Серго из села Сергиевского в очередном письме писал Ленину:

«Дорогой Владимир Ильич! Сегодня я думал заехать в Москву на несколько часов, но решил, что лучше скорее в армию. Я теперь назначен в Реввоенсовет 14-й армии. Тем не менее решил поделиться с вами теми в высшей степени неважными впечатлениями, которые я вынес из наблюдений за эти два дня в штабах здешних армий. Что-то невероятное, что-то граничащее с предательством. Какое-то легкомысленное отношение к делу, абсолютное непонимание серьезности момента. В штабах никакого намека на порядок, штаб фронта — это балаган. Сталин только приступает к наведению порядка. Среди частей создали настроение, что дело советской власти проиграно, все равно ничего не сделаешь. В 14-й армии какой-нибудь прохвост Шуба, именующий себя анархистом, нападает на наши штабы, арестовывает их, забирает обозы, а комбрига посылает на фронт под своим надзором для восстановления положения. В 13-й армии дела не лучше. Вообще то, что здесь слышишь и видишь,— нечто анекдотическое. Где же эти порядки, дисциплина и регулярная армия Троцкого?! Как же он допустил дело до такого развала? Это прямо непостижимо. И, наконец, Владимир Ильич, откуда это взяли, что Сокольников годится в командармы? Неужели до чего-нибудь более умного наши военные руководители не в состоянии додуматься? Обидно и за армию и за страну. Неужели, чтобы не обидеть самолюбие Сокольникова, ему надо дать поиграться с целой армией. Но довольно, не буду дальше беспокоить вас. Может быть, и этого не надо было, но не в состоянии заставить себя молчать. Момент в высшей степени ответственный и грозный. Кончаю, дорогой Владимир Ильич.

Крепко, крепко жму ваши руки.

Ваш Серго».



Кому № 238

191 дня мѣс. ч. м.

№ Временный мандат

изъ

карта въ дюймѣ.

Удостоверяется, что член В.И.И.К. т. Орджоникидзе состоит членом рев. военсовета 16

Чин ревсовета

Сталин

15/VII 1919

Мандат члена Реввоенсовета 16-й армии товарища Орджоникидзе, написанный товарищем Сталиным

Штаб 14-й армии находился в Брянске. Сюда приехал Сталин. Он принимал участие в разработке плана боевых операций.

В ночь с 24 на 25 октября Сталин по прямому проводу дал Серго следующие директивы:

«Обстановка последние дни сложилась на фронте так, что противнику удалось искусным маневром растолкать ударную группу в отдельные полки и бить их поодиночке. Смысл нашей последней директивы в том, чтобы дать вам возможность вновь собрать эти полки в одну группу и истребить лучшие полки Деникина. Повторяю, истребить, ибо речь идет об истреблении. Взятие Кром противником — эпизод, который всегда можно исправить. Основная же задача — не пускать полков ударной группы поодиночке, а бить противника единой и массивной группой в одном направлении; остальные части, идущие с юга, окажут вам посильную помощь».

Директива Сталина была выполнена ударной группой. Лучший 1-й армейский корпус Добровольческой армии был разбит.

Белые начали отступать.

В погоню за ними ринулась героическая Первая конная армия, возглавляемая К. Е. Ворошиловым и С. М. Буденным. Первая конная разбила белых под Воронежом, а 15 ноября нанесла им сокрушающий удар в знаменитом бою под Касторной.

Вскоре красные части южного фронта заняли Курск. Серго проехал на подводе пятьсот верст по фронту, по районам, отвоеванным у белых. Он знакомился с положением и настроением крестьянства, делился своими наблюдениями с Лениным и Сталиным.

В это время я находилась в Брянске. Серго просил меня остаться здесь с больным начальником военных сообщений Котовым.

У Котова был тиф. Помню, приехал он к нам уже больным и остановился в комнате одного из комиссаров, выехавшего по делам службы в Москву. Вскоре Котова положили в больницу. Я по нескольку раз в день ходила его навещать и носила передачи.

Когда Котов поправился, я вместе с ним и медицинской сестрой выехала в Харьков. Путь был очень трудным, транспорт работал с большими перебоями. К этому времени Харьков уже был в руках красных.

Взятие Харькова было решающим событием для освобождения Украины от белых полчищ, ибо Харьков — ворота в Донбасс. Деникин великолепно понимал, что, если Красная армия возьмет Харьков и вступит в Донбасс, потеря Украины для него неизбежна. Вот почему деникинцы так яростно пытались остановить наступление Красной армии в Харьковском районе, на подступах к Донецкому бассейну.

Действительно, после взятия Харькова юг быстро освобождался от белогвардейских армий. Уже 8 января 1920 года Первая конная армия заняла Ростов на Дону — гнездо южной контрреволюции. Сталинский план был реализован. Буржуазно-помещичья контрреволюция была разгромлена на главном, решающем фронте.

На очереди были бои с остатками белых армий, бегущих к Новороссийску, и ликвидация белых на Северном Кавказе.

В этих целях создается новый фронт — кавказский. 23 января 1920 года Серго назначается членом Реввоенсовета кавказского фронта.

В начале февраля по постановлению Центрального комитета РКП(б) создается партийное бюро по восстановлению советской власти на Северном Кавказе. Председателем этого бюро назначается Серго.

ОСВОБОЖДЕНИЕ КАВКАЗА

В марте 1920 года войска Деникина на Кубани были окончательно разгромлены. Победные полки Красной армии гнали белых от Кубани к морю, а от Терека — к границам Грузии.

17 марта Красная армия заняла Екатеринодар и Пятигорск. Здесь снова Серго встретился со своим лучшим другом — Сергеем Мироновичем Кировым. Серго, Киров и Буденный сидели в вагоне Реввоенсовета северокавказского фронта. Они обсуждали вопрос об окончательной ликвидации белых. Вместе с Кировым Серго разгромил остатки белых армий Деникина на Северном Кавказе.

Серго телеграфировал Ленину:

«Освобождение от белых всего Северного Кавказа, Кубани, Ставрополья и Черноморья, Терской, Дагестанской областей стало совершившимся фактом. Осетины, ингуши, кабардинцы, дагестанцы, балкарцы проникнуты полным сознанием могущественности советской власти и безграничным доверием к ней. Революционное настроение масс во многих местах достигает такого напряжения, что еще задолго до прихода к ним Красной армии население по собственной инициативе сбрасывает власть белых, избирает ревкомы, всегда состоящие исключительно из одних коммунистов. Владикавказ, Грозный, Дербент изгнали белогвардейцев, создав повстанческие ревкомы ранее прихода Красной армии. Старые работники выходят из подполья и руководят повстанческим движением. Население жаждет прибытия центральной советской власти, требуя распоряжений и инструкций от центра и только центра. Повстанческий отряд — великолепно дисциплинированная войсковая часть — влился в регулярную армию, представлен к красному знамени. В Черноморье

все время действовал организованный повстанческий отряд во главе с Ревсоветом из старых наших партийных товарищей. С отрядом поступлено на общих основаниях».

2 апреля 1920 года в Грозном был созван съезд чеченцев. Люди собрались в город из самых отдаленных аулов.

На съезде выступали Киров и Серго. Киров сделал сообщение о текущем моменте, Серго говорил о задачах органов советской власти на Северном Кавказе.

Съезд единогласно высказался за восстановление в Чечне советов и просил ускорить решение самого сложного вопроса Терской республики — аграрного. Подготовка этого вопроса была возложена на Чеченский ревком, который был тут же назначен. В состав ревкома входили пять человек, все без исключения — чеченцы.

Через несколько дней наш поезд был уже на ингушской станции Назрань. Год тому назад отсюда началось полное испытаний и лишений наше отступление в Тифлис через угрюмые горы Ингушетии.

Ингушский народ встретил представителей власти искренним революционным подъемом. На перроне выстроились седобородые почетные старики. Все они были командирами партизанских сотен, которые в горах создавал Серго. Партизанские отряды сыграли значительную роль в борьбе за освобождение Северного Кавказа от белогвардейщины. Еще в июне 1919 года горские народы — осетины, дагестанцы, чеченцы и ингуши — восстали против Деникина. Они отказались платить контрибуцию и дать пополнение в белогвардейскую армию. Деникин тогда жестоко расправился с восставшими. Кровавая вакханалия творилась в Дигории, цветущие ингушские селения — Экажево и Сурхохи — были сметены с лица земли.

«Горцы, — писал Киров в сентябрьском номере «Правды» за 1919 год, — глубоко затаили свой гнев против своих насильников, и первые же звуки марша Красной армии, которые услышат скрывшиеся в ущельях горцы, разбудят их гнев...»

Слова эти нашли свое блестящее подтверждение. Горцы захватили Владикавказ еще до прихода туда частей Красной армии и взялись за уничтожение белогвардейцев, панически отступавших по Военно-грузинской дороге.

В Назрани ингуши попросили Серго и Кирова поехать в сожженные белогвардейцами аулы.

— Народ хочет вас видеть, — говорили старики. — Народ хочет знать, что вы вновь с нами...

В аулах Сурхохи и Экажево Серго открыл митинг. Он говорил о заслугах революционных горцев и обещал помочь ингушам выстроить новые селения. В тот же вечер Серго телеграфировал Владимиру Ильичу:

«... Мы объехали разрушенные казаками крупные аулы Сурхохи и Экажево. Настоятельно необходимо оказать им помощь как финансами, так и строительными материалами для восстановления этих аулов. Посланные в мое распоряжение два миллиона аршин мануфактуры предполагаю распределить между детьми горцев, которые ходят буквально в рубищах».

Вскоре от Ленина пришел ответ. Владимир Ильич сообщал, что в ближайшие дни Совнарком вынесет решение об отпуске средств пострадавшим горцам, а пока разрешено в счет будущих ассигновок выдать десять миллионов рублей.

В апреле 1920 года под руководством большевиков бакинский пролетариат поднял восстание против власти муссаватистов и англо-французских интервентов.

По прямому указанию Ленина и Сталина на помощь рабочим и крестьянам Азербайджана пришла героическая 11-я Красная армия во главе с Серго, С. М. Кировым и А. Микояном. В Азербайджане была установлена советская власть.

После победы советской власти в Азербайджане находившийся в Баку Серго продолжал руководить разгромом остатков белогвардейщины на Северном Кавказе.

От Ленина он получил новое задание.

Ему было предложено срочно выехать в Ростов для ближайшего участия в ликвидации врангелевского десанта генерала Улагая на Кубани и Черноморье. Белые вновь пытались захватить Кубань, чтобы использовать ее для нового наступления против Советской республики.

Серго стал готовиться к ликвидации десанта генерала Улагая.

В сентябре 1920 года Серго телеграфировал Ленину:

«Ваше поручение проверено и устроено. Десант в районе Ахтырки Черноморской (главные силы) разбит и загнан в болото и камыши на берегу моря, где в настоящее время производит погрузку на суда. Десант на Таманском полуострове уничтожен, и полуостров совершенно очищен. Банды генерала Хвостикова в районе Армавира серьезной силы не представляют, и, надеюсь, ликвидируем в ближайшие три-четыре дня. Казачество, почувствовав нашу силу, ведет себя довольно прилично. Надежды Врангеля не оправдались. Ссыпка хлеба идет недурно — выполнено 40—50 процентов. В общем чувствуем себя крепко, гораздо крепче, чем до десанта».

Осенью на Кавказ приехал Сталин.

На съезде народов Дагестана 13 ноября 1920 года Сталин провозгласил автономию Дагестана.

17 ноября того же года на съезде народов Терской области во Владикавказе Сталин выступил с докладом об образовании автономной Горской советской республики. На этом же съезде Серго говорил:

«С первых же дней существования советской власти наша коммунистическая партия ставила своей задачей раскрепощение угнетенных народов всего мира. Советская власть знала, что наша партия не выполнит своей миссии, если она не даст горцам самоуправления и не возвратит им их земли...

Красная Россия не преподносит вам, товарищи, подарок. Она считает этот акт только справедливостью. Центр считает, что красное знамя, врученное осетинам, чеченцам, кабардинцам и т. д. руками любимого комиссара товарища Сталина, будет возглавлять вашу республику навеки и вы удержите это знамя таким же незапятнанным, каким оно передается вам».

20 ноября 1920 года установилась советская власть в Армении.

Трудящиеся Грузии подняли восстание и при помощи Красной армии 25 февраля 1921 года установили советскую власть.

В день пятнадцатилетия советизации Грузии грузинский народ писал в своем письме великому Сталину:

И народ не вынес муку, униженье и позор,
И, восставши, он на север обратил надежды взор.
Красной армии отряды на подмогу шли к друзьям,
И Серго Орджоникидзе возглавлял отряды сам.
С ним и незабвенный Киров вел к нам доблестную рать.
Ленин, Сталин их послали нам в победе помогать.
Пробил час, и в двадцать первом в долгожданном феврале
Взвился красный флаг советов на родимой нам земле.

★